

Новомученики и исповедники белозерские

Монастыри Кирилловского уезда в XX веке

История Белозерских монастырей в XX в. остается наименее исследованной. То немногое, о чем упоминалось в популяризаторской литературе и местной прессе до 1980-х годов, не было достоверным, носило известную тенденциозность в оценках, не давало фактического материала.

Основой настоящей работы является сделанная автором в 1982—1995 гг. запись воспоминаний старожилов и очевидцев событий тех лет, а также устных преданий, подтвержденных отрывочными архивными сведениями. Использованы архивные материалы Вологодского областного архива, его Череповецкого филиала, отдела письменных источников Кирилло-Белозерского музея, научного архива Музея фресок Дионисия, публикации в местной печати г. Кириллова 1918—1930-х г.

В статье уделено больше внимания Ферапонтову монастырю, историей которого автор занимался преимущественно.

В 1920-х годах монастыри Кирилловского уезда составляли главное препятствие к насаждению беззакония и хаоса, необходимых для утверждения новой власти, и закрытие их проходило на общем фоне повсеместных репрессий по отношению к Русской Православной Церкви. Несмотря на общее падение нравственных устоев не только

в миру, но и в монастырях, белозерские обители по-прежнему оставались очагами духовности если не целиком, то в лице отдельных старцев. Такими светильниками являлись прежде всего, последние подвижники Нило-Сорской пустыни, Кирилло-Новоезерского монастыря, а также юродивые Христа ради Горицкого монастыря, славившегося женским старчеством.

Закрытие монастырей не было единовременной мерой, оно растянулось на несколько лет и имело несколько основных вех. Отделить историю одного белозерского монастыря от другого вряд ли возможно. Они составляли одно целое — единый духовный организм. Годы же гонений драматически смесили судьбы насельников, выплеснули их в мир, рассеяли по лицу земли. Лишь немногие избежали тюремного заключения и расстрела, репрессии же коснулись каждого. Первыми жертвами красного террора стали Кирилловский епископ Варсонофий и игуменья Ферапонтова монастыря Серафима, они были расстреляны 2 (15) сентября 1918 г. Произведено это было руками череповецкого карательного отряда и было неожиданно даже для самих властей Кириллова. Но прежде рассказа об этих событиях следует упомянуть о том, что представляли собой монастыри к началу XX в.

Кирилло-Белозерский монастырь

Кирилло-Белозерский монастырь — самый крупный в Белозерье — внешне представляет собой неприступную твердыню, окруженную довольно плотным кольцом монастырей, пустыней и храмов. Со времени своего основания (в 1397 г.) обитель сияла светом православной веры на Русском Севере. Она дала православному миру немало церковных иерархов, святых, основателей других монастырей. Достаточно вспомнить, что из стен этой обители вышли преподобные Нил Сорский, Мартиниан Белозерский, Савватий Соловецкий, Александр Ошевенский, Корнилий Комельский.

Однако к началу XX в. жизнь главной обители Белозерья заметно изменилась. Это коснулось и

внешнего ее облика, и духовного содержания. Постройки заметно обветшали, церкви опустели, во всем виделись следы нового переломного времени. Хотя ризницы и храмы еще полнились бесценными сокровищами, содержать огромный монастырь в благолепии было некому. Вмещавший когда-то до тысячи насельников монастырь на рубеже веков стал немногочислен. К моменту закрытия число братии ограничивалось двумя десятками.

Историк Кирилло-Белозерского монастыря — уроженец Кириллова, преподаватель духовного училища Н. П. Успенский писал: «Современная жизнь монастыря настолько отделилась от прежней, что почти все сооружения стоят пустыми, не

Кирилло-Белозерский монастырь со стороны Сиверского озера. Фото К. С. Церковницкого, 1966 г.

имея употребления, как внешне излишние, или получили новое назначение, а деревянные исчезли, не оставив следа» [Цит. по: 1, 11]. Запустение в монастыре отмечали многие путешественники, паломники, церковные иерархи, посещавшие древнюю святыню.

Архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), в ведении которого находились тогда Белозерские монастыри¹, объезжая в 1911 г. свою

¹ С 1657 г. монастыри Кирилловского уезда от Новгородской епархии перешли к Вологодской, с 1788 г. вновь вошли в состав Новгородской епархии, с 1918 г. — в созданную Череповецкую губернию, которая 1 августа 1927 г. была упразднена, а ее территория составила Череповецкой округ

епархию, обратил внимание на печальное положение монастырских строений. После этой поездки поданные Кирилловским епископом Иоанникием бумаги о необходимости срочного ремонта рушащихся строений Кирилло-Белозерского монастыря были направлены Новгородской консисторией в Государственную думу. Государственная дума и Священный Синод приняли решение о безотлагательных мерах к поддержанию знаменитого монастыря. Синоду пред-

Ленинградской области. С 23 сентября 1937 г. с образованием Вологодской области Кирилловский район вошел в ее состав.

лагалось дать сведения о необходимых затратах на восстановительные работы. Однако начавшаяся первая мировая война отодвинула выполнение реставрационных работ на неопределенное время.

Духовная жизнь в монастыре того времени поддерживалась преимущественно славой прошлого, многими святынями, хранимыми в монастыре. Монастырь, как и прежде, владел выдающимся собранием как рукописных, так и старопечатных книг, в ризницах хранились первоклассные образцы древнего лицевого шитья и изящной ювелирной работы, художественного литья, чеканки. Лучшие мастера Севера и Москвы начиная с XV в. изготавливали церковную утварь для обители. Патриархи, знатные роды князей и бояр заказывали для своих вкладов уникальные предметы церковного искусства, и до сих пор остающиеся непревзойденными.

Однако сама братия к 1917 г. была не только немногочисленной, но в среде ее уже не встречались выдающиеся личности. Последним, пожалуй, подвижником был архимандрит Иаков (Поспелов; † 1896), при котором и хозяйственная жизнь возрождалась, и духовные силы насельни-

ков укреплялись. После него монастырь больше не видел расцвета.

На долю архимандрита Иакова легли хлопотливые труды и по подготовке 500-летия Кирилло-Белозерского монастыря, отмечавшегося в 1897 г., уже после кончины настоятеля. Торжества эти были последней волной молитвенного подъема в стенах древней обители. Величественные службы сопровождались огромным стечением народа и крестными ходами.

К полутысячелетнему юбилею был приурочен ряд важных публикаций местного историка Н. П. Успенского [3] и столичного ученого Н. К. Никольского, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, который работал над многотомным исследованием о древней обители [4]. Тогда ими были проведены основные исследования монастырского архива, архитектурные обмеры памятников. С утратой впоследствии многих документов архива значение их публикаций неопределимо. Н. П. Успенский не только разбирал разрозненные рукописи, но провел их исследование, систематизировал и сделал опись.

После смерти архимандрита Иакова в монастырской жизни ощутились послабления, изменившие общую атмосферу в среде братии. Некоторые монахи перешли в другие монастыри.

С 1892 г. город Кириллов стал местом пребывания второго викарного епископа Новгородской губернии. На Кирилловской кафедре сменилось восемь владык. Первым в 1892 г. стал епископ Ан-

тоний (Соколов), переведенный в следующем году на Черниговскую кафедру. Вторым епископом Назарий (Кириллов) только полмесяца 1893 г. пребывал Кирилловским викарием и был назначен в Санкт-Петербургскую епархию. Впоследствии он участвовал в освидетельствовании мощей преподобного Серафима Саровского, будучи епископом Нижегородским и Арзамасским.

Третий епископ Арсений (Иващенко) управлял делами викариата в течение десяти лет с 1893 г., в 1903 г. его сменил епископ Феодосий (Феодосиев). В 1907 г. на кафедру заступил епископ Иоанникий (Дьячков) — из настоятелей Новгородского Юрьева монастыря, за год до революции его перевели епископом Олонецким и Петрозаводским.

Деятельность трех последних викарных епископов пришлась на времена сильнейших гонений. Епископ Варсонофий (Лебедев) погиб от рук карателей в сентябре 1918 г. Епископа Тихона (Тихомирова) несколько раз арестовывали и бросали в тюрьмы, в конце жизни он стал затворником. О судьбе последнего Кирилловского епископа Валериана (Рудича) известно немного. В 1900 г. он закончил Московскую духовную академию, в 1921 г. хиротонисан во епископа Проскуровского, викария Подольского, с 1923 г. — епископ Ржевский, викарий Тверской епархии. На Кирилловской кафедре — с сентября 1931 г., в январе 1934 г. он был арестован, попал в ссылку. Дальнейших сведений о нем не имеется, год смерти неизвестен.

Ферапонтов монастырь

1917 год застал Ферапонтову обитель в полном расцвете. Возобновленная в декабре 1903 г. известной подвижницей игуменией Леушинского монастыря Таисией, она вновь приобрела церковную цельность. Весной 1903 г. матушка подала рапорт Новгородскому архиепископу Гурию, а в декабре последовало разрешение Синода на учреждение женского монастыря «с таким числом инокинь, какое обитель в состоянии будет содержать на свои средства». Это событие имело широкий отклик в среде культурной общественности, за ним последовали ощутимые изменения в отношении к монастырю. К этому времени игумения Таисия была широко известна в самых высоких кругах своей деятельностью по восстановлению обителей, просвещению детей, организации образовательных курсов, строительству храмов и школ, это в значительной степени расширяло возможности восстановительных работ в Ферапонтове.

Мать Таисия была любимым чадом святого праведного Иоанна Кронштадтского, часто сопровож-

дала его в путешествиях и не предпринимала ничего без благословения своего духовного отца. Благословив открытие Ферапонтова монастыря, о. Иоанн не оставлял его своими заботами и позже, поддерживал в трудные моменты денежными переводами, окормлял сестер во время своих приездов. По дороге на свою родину, в Суру Архангельской губернии, он почти ежегодно навещал ферапонтовских сестер и совершал богослужения. Об этом известно из его писем, дневников, записок матушки Таисии. Сохранилась также любительская фотография тех лет, запечатлевшая момент выезда его из монастыря в сопровождении игумении Таисии [6].

Игумения Таисия, в миру Мария Васильевна Солопова, родилась в Петербурге в 1840 г. Родители ее происходили из древних фамилий, отец — потомственный дворянин, новгородский помещик, мать — из рода Пушкиных, москвичка. Мария была Богом дарованной дочерью скорбной матери, лишившейся одного за другим своих детей еще во младенчестве. Мать ходила пешком в храмы к

Святые врата Феропонтова монастыря. Фото начала XX в.

чудотворным иконам Матери Божией, прося о том, чтобы Господь сохранил в живых хотя бы одно дитя, давая обеты о христианском воспитании его, которые и исполнила в точности, с младенчества наставляя дочь в правилах набожности, милосердия и молитвы.

Еще учась в Павловском институте благородных девиц, Мария избрала для себя монашеский путь, но хранила решение в тайне, по той естественной причине, что это могло вызвать в семье и обществе сильнейшее противодействие. По оконча-

нии института в 1861 г. она начала свой переход от мирской жизни к монашеской, улаживала семейное смятение по этому поводу, составляла бумаги на передачу наследства. Распорядившись своим немалым имением, доставшимся от деда — генерала Василевского, и испросив материнского благословения, она поступила послушницей в Тихвинский Введенский монастырь.

Проходя различные послушания в Новгородских обителях, Мария приняла постриг в 1879 г. с именем Таисия. Вскоре ее назначили начальницей женской общины в деревне Леушино² Череповецкого уезда, учрежденной в 1875 г.

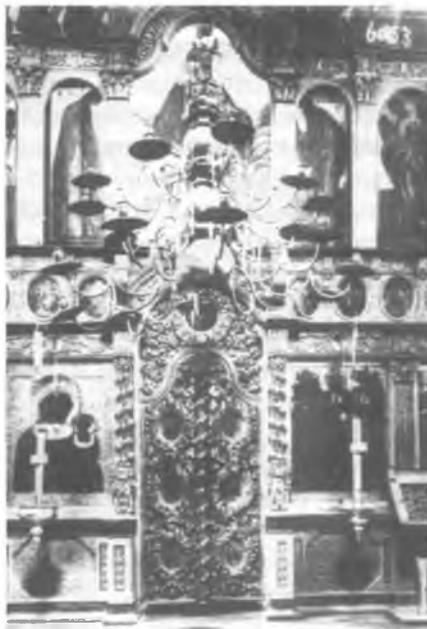
² Не питать с деревней Леушино, находящейся в трех километрах от Феропонтова.

С приходом матушки Таисии началось преобразование малой общины в первоклассный Иоанно-Предтеченский Леушинский монастырь, имевший два каменных собора, две церкви — домовую и прибогадельне, церковноучительскую школу для девочек, приходскую школу, келейные корпуса, хорошую библиотеку, подворья — в Кириллове, Череповце и Санкт-Петербурге — и многочисленных насельниц. Сама Таисия была возведена в сан игумении.

О своем многотрудном иноческом пути игумения Таисия написала в автобиографических записках, ставших позже широко известными. Писала, как сознавалась, по настоянию о. Иоанна Кронштадтского. Еще ранее советовал ей составить записки схиигумен Феодосий из Киево-Печерской лавры. Матушка, найдя в лице старца Феодосия опытного и прозорливого духовника,

О своем многотрудном иноческом пути игумения Таисия написала в автобиографических записках, ставших позже широко известными. Писала, как сознавалась, по настоянию о. Иоанна Кронштадтского. Еще ранее советовал ей составить записки схиигумен Феодосий из Киево-Печерской лавры. Матушка, найдя в лице старца Феодосия опытного и прозорливого духовника,

Иконостас собора Рождества Богородицы Феропонтова монастыря. Фото начала XX в.

Усыпальница преподобного Мартиниана в Феропонтовом монастыре. Фото начала XX в.

представила на его мудрое усмотрение свои недомыслия, поделилась с ним сомнениями относительно своих чудесных видений, не «прелесть ли это вражия». Старец, не найдя ничего опасного в этом, напротив, признал их за знамение милости Божией и советовал все записать как для собственной памяти, так и на пользу другим.

«О, не подумайте, родные мои, — писала игуменья Таисия в начале своей книжки, — не подумайте, Богом умоляю вас всех, кому случится прочесть эти записки, что во мне могло бы быть что-либо заслуживающее милости Божией». По глубокому своему смирению мать Таисия не считала себя достойной ангельских видений, а написав по послушанию, не решалась предавать печати записки, хотя святой праведный Иоанн, питавший особое почтение к игуменье Таисии, желал видеть их напечатанными. В конце тетради он собственноручно написал: «Благословляю печатать эту книгу, как достойную печати, на память будущим родам и во славу Божию. Прот[оиерей] И[оанн] Сергиев, 31 окт[ября] 1906 г.» «Записки игуменья Таисии» опубликовала преемница и ближайшая сотрудница ее игуменья Агния в 1916 г. в журнале «Кронштадтский пастырь».

Кроме упомянутых «Записок», опубликованы «Письма к новоначальной инокине», составленные на основании святоотеческих аскетических писаний и собственного 40-летнего опыта монашеской жизни игуменья Таисии. Небезынтересны поэтические опыты матушки, собранные в трех выпусках ее стихов. Жанр этот, относящийся к духовной поэзии, был распространен в XIX — начале XX в. Стихи — об иноческой жизни, о молитве, о создании женской обители на родине о. Иоанна в селе Суры. Стихи доверительно раскрывают нам внутренний мир автора.

Скончалась игуменья Таисия в 1915 г., похоронена в своем Леушинском монастыре, позже попавшем в зону затопления при создании Рыбинского водохранилища.

Помимо Ферапонтова, мать Таисия основала Воронцовский монастырь в Псковской епархии, участвовала в восстановлении Троицкой Синозерской пустыни в Устюженском уезде Вологодской губернии и других обителей.

Возобновившийся стараниями игуменья Таисии Ферапонтов монастырь занимал заметное место в ряду многих ее забот. Первые два года матушка часто приезжала сюда для ведения дел. Это время было началом не только значительных строительных работ для устройства насельниц, но и началом широких реставрационных работ. Вопросы по сохранению старинной архитектуры требовали грамотного отношения к проводимым работам со стороны монастыря. В этом архитекторы нашли полное понимание как игуменья Таисии, так и ее

Игуменья Таисия, настоятельница Леушинского монастыря. Фото из частного архива

преемницы — игуменья Серафимы. При их попечительстве церковная старина в монастыре была полностью сохранена, а сам монастырь вновь стал оживленным местом богомолья и паломничества.

Видя полуразрушенную казенную палату, матушка Таисия написала архиепископу Новгородскому Гурию прошение о разрешении разобрать ветхий каменный корпус. Владыка, необычайно бережно относившийся к церковной старине и положивший начало древлехранилищу в Новгороде, куда собирал старинные иконы и другие ценности, обратился за помощью в Императорскую Археологическую комиссию. Комиссия направила в Ферапонтово преподавателя архитектуры Академии художеств академика П. П. Покрышкина для обследования зданий [7]. На основании обмеров и исследований был составлен проект реставрации. Первые работы проводились под началом архитектора И. А. Фомина, продолжил их А. Г. Вальтер.

В январе 1912 г. образовался Комитет по реставрации Ферапонтова монастыря при Императорской Археологической комиссии. Председательствовал в комитете князь А. В. Оболенский, родственник архиепископа Ростовского Иоасафа, строителя собора Рождества Богородицы, самого древнего из сохранившихся каменных храмов Русского Севера. Владыка Иоасаф построил собор на свои средства и пригласил знаменитого мастера Дионисия для росписи храма³.

³ Фрески Дионисия никогда не поновлялись и сохранились в пол

Реставрация Ферапонтова монастыря была, собственно, вторым опытом комиссии после Спасо-Нередицкой церкви в

ном композиционном составе общей площадью 800 кв. м, но до реставрации в начале XX в. они не привлекали внимания исследователей. В 1911 г. искусствовед В. Т. Георгиевский опубликовал книгу «Фрески Ферапонтова монастыря», в которой содержалось сенсационное сообщение, что со-

хранившиеся фрески выполнены знаменитым Дионисием, считавшимся почти легендарным иконописцем. Однако право первооткрывателя принадлежит уроженцу с. Цыпина Ферапонтовской волости, ученому И. И. Бриллиантову [См.: 8, прим. 68], который за 10 лет до Георгиевского связал

упомянутое в автографе на фреске имя с тем Дионисием, который прославил московско-ростовские земли: «...а писцы Дионисий-иконник со своими чады». Тогда же по антиминсу было уточнено время постройки собора — 1490 г., а не середина XVI в., как считалось ранее [9].

местных владельцев по округе и в разных городах. По воспоминаниям послушницы Александры Арлаковой, на сборы отправлялись зимой парами. Всего таких пар было четыре.

Сами же насельники находились в стесненных обстоятельствах. Пища в монастыре была простой и скудной, тяжелые труды были постоянным занятием монахинь и послушниц, число которых доходило до ста. Но каждый из приезжавших в монастырь ощущал заботу и радушный прием, что нашло отражение в книге для записей лиц, посещающих Ферапонтов монастырь.

Открывается книга записью Новгородского архиепископа Арсения (Стадницкого) 1911 г.: «12 июня посетил знаменитую древнюю обитель преподобного Ферапонта, пережившую в течение пяти веков столько испытаний — века славы, процветания и упадка. Благодарение Богу, она теперь молитвами и трудами боголюбивых сестер-инокинь восстанавливается в прежнем своем благолепии. Призываю Божие благословение на сию святую обитель» [10, л. 1]. Известный археолог, бывший в те годы председателем Императорской Археологической комиссии, граф А. А. Бобринский, например, оставил на память следующий отзыв: «Не в первый раз посещаю этот благодатный край. < ... > Бывал в обители преподобного Мартинаана⁵, когда

Новгороде, опытом для многих тогда спорным. Однако в Ферапонтове, несомненно, этот опыт оказался положительным. Впервые проводились широко-масштабные работы по всему комплексу зданий. Под все строения были подведены новые фундаменты, раскрыты на церквах позакомарные покрытия, восстановлены своды трапезной и казенной палат, произведена замена полов и кровель, возвращена первоначальная форма окон в соборе. Деятельность первых реставраторов придала монастырю тот вид, который он имеет в настоящее время⁴.

⁴ История реставрации Ферапонтова монастыря в начале XX в. содержит ценный опыт сотрудничества представителей церковной и светской власти: Новгородского епархиального управления, в ведении которого находилась обитель, и самого монастыря, с одной стороны, и Комитета по реставрации Ферапонтова монастыря, включившего в себя деятелей культуры и заинтересованной общественности — с другой. В число членов комитета входил Новгородский (впоследствии Вологодский) губернатор В. А. Лопухин, князь Оболенские, граф П. С. Шереметев, член Государственного Со-

Реставрация требовала огромного напряжения сил от игуменни и насельниц. С трудом собирались средства на возрастающие расходы. Значительные средства выделило правительство, поступали деньги от Новгородской консистории и частные пожертвования. В апреле 1914 г. Государственная дума одобрила законопроект об ассигновании 35 тысяч рублей на поддержание и реставрацию Ферапонтова монастыря, а Общество защиты и сохранения памятников открыло всероссийский сбор пожертвований. Монахиням приходилось также собирать милостыню среди

вета граф Д. А. Олсуфьев, академик А. В. Щусев. Многочисленные протоколы заседаний комитета говорят о трудных творческих поисках архитекторов, о том, чем определялся подход к реставрации. К некоторым проектам обраща-

лись и после начала работ, привлекались другие видные архитекторы — А. Н. Померанцев, Е. А. Сабанев, А. А. Спичин, В. В. Сулов. После 1917 г. судьба большинства реставраторов и членов комитета сложилась трагично.

⁵ Ферапонтов монастырь называли также Мартинаиановой обителью — по имени преподобного Мартинаана (в миру Михаил Стомонахов), чьи нетленные мощи были обреты в 1513 г., при погребении его ученика — архиепископа Иоасафа, и покоятся под спудом в соименной церкви XVII в. Мощи же преподобного Ферапонта почитают в Можайске, в Лужецком монастыре. Ферапонтов монастырь был упразднен в год его 400 летия — в 1798 г. — и обращен в приходскую церковь.

она, осиротевшая, заброшенная, служила приютом бедному приходу. Привел Господь увидеть ее и ныне. Она ожила и процветает. < ... > В ее ветхих стенах кипит жизнь, строятся кельи, обновляются храмы...» [10, л. 6 об., 7].

Как и в Леушине, игумения Таисия обращала особое внимание на образование детей. Уже вскоре после возобновления монастыря в Ферапонтове открылись рукодельные классы для девочек, а в 1909 г. монастырем была построена женская церковноприходская школа. Крестьянских детей учили в ней всему необходимому для жизни: грамоте, ремеслам, церковному пению, Закону Божию. На свои средства монастырь шил школьные платья ученицам, одевал детей неимущих семей. Многие старожилы с благодарностью вспоминали школу и ее заботливых учительниц-монахинь, заложивших в них прочные жизненные основы и полезные знания.

Не меньшей заботой стал церковный хор. Владыка Арсений придавал важное значение восстанов-

лению старинного столбового пения. Игуменья Таисия, будучи в прошлом регентом монастырского хора в Тихвине, пригласила для Ферапонтовой обители певца русской оперы М. А. Гольтисона, который ставил грамотное пение по древним образцам. Игуменья Серафима также была до того регентом, что явствует из ее автографа на одной из фотографий, подаренной духовной сестре. Монастырь стал привлекать богомольцев своим красивым пением. В хоре пели также ученицы монастырской школы.

Первыми насельницами монастыря стали «леушанки», как звали сестер Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря. Матушка Таисия предложила тем, кто выразит пожелание, переехать в Ферапонтов монастырь. И потом она не оставляла сестер своей опекой. Почти ежегодно игуменья Таисия, сопровождая о. Иоанна Кронштадтского в его поездках на родину, заезжала сюда. По пути останавливались в Горицах. Кронштадтский чудотворец совершал богослужения и в Ферапонтовом монастыре, где также были его чада [11].

С числе первых, кто выразил согласие переехать из Леушина в Ферапонтово, была будущая игуменья Серафима. В миру Сулимова Елизавета Николаевна, из мещан, родилась в одной из деревень под Череповцом. Сестра ее Наталья тоже стала монахиней (Нина, в схиме Ферапонта), брат пострижен с именем Евфимий. Со слов протоиерея Валентина Парамонова⁶ (запись 1993 г., Москва, рукопись), настоятеля храма Воскресе-

⁶ *Мать о. Валентина Феофания Васильевна Поросенкова, происходила из крестьян деревни Леушино Ферапонтовской волости. Отец — Виктор Доримедонтович Парамонов был активистом новой власти. Отрок Валентин спасал многих монашествующих от преследований, успевая предупреждать об опасности, когда в дом к отцу приходили со списками подлежащих аресту. Последний архимандрит Нило-Сорской пустыни, взявший на себя в конце жизни подвиг юродства, — о. Иларион позвал восьмилетнего Валентина на*

ния словущего на Ваганьковском кладбище в Москве, знавшего многих монашествующих в белозерских землях — на своей родине, Серафима постригалась в Леушинском монастыре. Перешла в Ферапонтовскую обитель вместе со своей сестрой, а также регентом Анной Шубиной, сестрами Глафирой Ванюшенковой (?) (в монашестве Гаврилой) из-под Череповца, Пафнутией, ставшей благочинной, и другими.

Из рассказов, мать Серафима была видной, высокой ростом, с приятным лицом и мудрыми глазами, ласковой, но строгой. Без благословения никуда сестер не отпускала. Но блестящего образования, как ее наставница игуменья Таисия, не получила. При ней состояла письмоводительницей Александра Самойлова, которая вела не только переписку, но и почти все дела монастыря.

Мать Нина (в схиме Ферапон-

свое тайное погребение. Отходя от города. о. Иларион сказал, что сейчас будет умирать и объяснил, как его надо похоронить, что читать. Когда мальчик спросил, как же он закопает его, такого большого, о. Иларион ответил: сначала отгребти землю под ногами, потом под головой — так и закопаешь. И преставился. Было это около 1936 г. возле деревни Есипово, по дороге на Белозерск, на картофельном поле. Как и велел блаженный, никому о. Валентин об этом не говорил до времени. Отец Валентин обладал феноме-

та), по воспоминаниям, была более строгой, сестры ее боялись больше, чем игуменню. Она пробираала их, если за старицами плохо ухаживали. К себе была очень строга, до двух часов дня ничего не вкушала. Ее основным послушанием было церковничать у гроба преподобного Мартиниана. До Ферапонтова она много потрудилась на постройке в Петербурге подворья Леушинского монастыря. После закрытия Ферапонтовской обители и изгнания ее насельниц стала старостой приходской церкви святого мученика Иоанна Воина в Кириллово (церковь Вознесения Господня с приделом во имя мученика Иоанна Воина ныне автотранспортное предприятие). Похоронена недалеко от церкви, через дорогу, у кладбищенской часовни.

К 10-м годам XX в. монастырь окреп, имел налаженное

Насельницы Леушинского монастыря, впоследствии игуменни различных монастырей. Крайняя справа в верхнем ряду — мать Серафима. Фото начала XX в. Публикуется впервые

нальной памятью, его называли "ходячим Титиконом" и непревзойденным рассказчиком, но записать его никому не удалось. Общений вне храма он избегал, аппаратуры записывающей не допускал. Последние 12 лет он бесменно служил на Ваганьковском кладбище в Москве, совершая ежедневно Божественную литургию, и в крайнем утомлении возвращался домой к вечеру. Окружающим он многое рассказывал о кирилловских монахах и монахинях, но никто из слышавших не смог впоследствии воспроизвести услышанное.

хозяйство, развернувшееся на 204 десятинах земли, выделенных сходом крестьян Ферапонтовской волости [12]. Большими торжествами было отмечено 400-летие открытия мощей преподобного Мартиниана. 4 октября 1913 г. викарным кирилловским епископом Иоанникием (Дьячковым) в сослужении 12 иереев при стечении множества народа совершалась праздничная служба в церкви преподобного Мартиниана, о чем осталась памятная запись в «Книге для записи лиц, посещающих Ферапонтов монастырь» [10, л. 7 об.].

Это были последние торжества в монастыре перед началом войны, за которой последовали революция, голод, развал хозяйства и репрессии.

Отец Валентин. Фото 1950 х годов

Положение Кирилловского уезда в 1918 году

Уезд включал земли не только современного Кирилловского района, но также и часть Белозерского, Вашкинского и Вожегодского районов Вологодской области, а также Каргопольского района Архангельской области, в состав его входили 23 волости. Число жителей составляло 120 тысяч, в том числе в городе проживало 4,3 тысячи, основное население — мещане. Город жил торговлей, преобладали купцы 2-й и 3-й гильдий (около 80). Часть мужского населения была занята на обслуживании канала герцога Вюртембергского, составлявшего часть Мариинской системы, шлюзов и водного транспорта, извозом, ремеслами. Из предприятий известны четыре лесопилы, фабрика древесной массы, винокурный завод, в начале XX в. открыт пивомедоваренный завод «Северная Богемия». В городе было три училища и женская прогимназия. Основные постройки деревянные, несколько двухэтажных каменных купеческих особняков украшали ближайшие к монастырю улицы.

Только в 1776 г. подмонастырская слобода получила статус города [13].

В декабре 1917 г. в городе и уезде была установлена советская власть, а в январе 1918 г. уездный исполком объявил городскую думу распущенной. Вскоре прекратило свою деятельность и земство.

В июне из-за нехватки продовольствия был запрещен въезд в город и уезд. Все приезжавшие обязывались являться для регистрации в отдел внутренних дел (протокол № 65 от 17 июня 1918 г. заседания Исполнительного комитета Кирилловского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — далее УИК) [14, л. 114 об.]. Положение уезда было объявлено катастрофическим, констатировался полный развал хозяйства [14, л. 117, 122]⁷.

⁷ При общей нехватке хлеба в тюрьмах он распределялся следующим образом: сидящим против советской власти и за контрреволюционные выступления по 1/8 фунта, за уголовные преступления — по 1/4 фунта в день (протокол № 66 от 19 июня 1918 г.) [14, л. 116 об.]. Однако с середины июля хлебный паек заключен-

Уже осенью 1917 г. местная газета описывала плачевное положение с продовольствием, привлекая внимание читателей к монастырским запасам. Из номера в номер эта тема развивалась. Например, в «Известиях Кирилловского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» читаем: «В то время, когда беднейшее население г. Кириллова в буквальном смысле голодает и по несколько дней не видит крошки хлеба, там, в Сорской пустыни, < ... > пустынский скот даже кормится хлебом» [15, № 52]. «А в Горницком

ным уравнился до 14 фунта всем без различия (протокол № 74 от 10 июля 1918 г.) [14, л. 145 об.].

монастыре разве нет хлеба? Только нужно раскрыть монастырские тайники <...>. А сколько слухов про Кирилловский монастырь, что тут большие запасы хлеба? Кто знает входы и выходы монастыря — пусть придет в продовольственный отдел и скажет» [16, № 41].

Первым реквизиции подвергся Ферапонтов монастырь, в нем «четыре раза делали реквизицию хлеба. За все реквизиции взято более 500 пудов. Реквизицию делали без вооруженной силы сами крестьяне Ферапонтовской волости» (там же). В статье упомянуто, что ржаная мука начала гнить. Впоследствии это стало чуть не основной уликой против монастыря, который будто не только укрывал хлеб, но и гноил его, что служило доказательством его намеренной борьбы против советской власти.

Монастырские кладовые стали постоянным источником снабжения уезда. Отбирался не только хлеб. Например, осенью 1918 г. было принято решение обеспечить больницу молоком за счет Горницкого, Нило-Сорского и Кирилло-Белозерского монастырей [14, л. 197 об.]. Далее подлежали реквизиции скот, инвентарь, огороды и оставшиеся запасы. Вскоре принято решение о монастырском продовольствии: «Оставить для лиц, живущих в монастыре, на четыре месяца по 25 фунтов на каждого человека, а остальные продукты продовольствия реквизировать» [14, л. 24]. То есть продукты для насельников монастыря оставлялись из расчета по 2,5 килограмма на человека в месяц и только до лета.

Но и этого не могло хватить надолго, и взоры обратились на монастырские ризницы и церковное имущество. В феврале 1918 г. в Кириллове были созданы комиссии для принятия на учет ценностей Кирилло-Белозерского монастыря, «а также для конфискации золотых слитков и других предметов, не имеющих художественного, исторического и религиозного значения» [17, л. 18—18 об.] Ценность уникального собрания монастыря определя-

ли лица, не имевшие представления о художественных или исторических достоинствах предмета.

Когда работали реквизиционные комиссии в монастырях, последние обязывались содержать их на свой счет, оплачивать прогонные в обе стороны, по 1 рублю с версты, кормить и выдавать суточные по 10 рублей [14, л. 90 об.]. «Ввиду того что для означенной цели не имеется специального кредита, позаимствовать из кассы Исполнительного комитета впредь до получения таковой суммы из монастырей, в коих проводится учет, по числу дней работ» [14, л. 98]. УИК выдал комиссии суточных денег 2744 рубля.

В марте была создана комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем, мародерством и спекуляцией. «Обсудив распространяемые по городу провокационные слухи разными злонамеренными лицами и контрреволюционную агитацию, а также раскрытие общества “защиты святынь православной церкви” — явно контрреволюционного направления», были приняты соответствующие решения по борьбе с ними [14, л. 39 об.—40].

Под упоминаемым «обществом» подразумевалось духовенство, протестовавшее против разорения церквей и осквернения святынь. Еще в феврале оно пыталось получить доступ к опечатанной утвари. Представители кирилловских приходов и монастырей передали УИКу письмо от 25 (12) февраля 1918 г., в котором говорилось о снятии наложенной на монастырскую ризницу печати, устранении стражи от монастырских ворот и передачи ключей монастырскому начальству. В документе также высказан протест против описи церковных и монастырских имуществ. Однако УИК постановил все принятые меры оставить в силе, а «для опровержения всех нелепых слухов, пущенных в массы со стороны духовенства, в противовес выпустить свое воззвание» [14, л. 24].

В Кириллов прибыли для участия в комиссии по учету монастырских ценностей Кирилловского уезда представители от 13 волостей, и 16 мая они приступили к выполнению поручений, возложенных на них губернским съездом от 31 марта.

Начало репрессий

Толчком к расправам в Кирилловском уезде послужил инцидент, происшедший в Ферапонтовом монастыре в мае 1918 г. Этот эпизод подробно освещен местной газетой [См.: 17]. Воспоминания свидетелей дополняют его подробностями.

Накануне приезда комиссии по учету монастырских ценностей с благословения игуменни Серафимы местные крестьяне были предупреждены, что в случае опасности в монастыре ударит колокол.

Один из участников событий, рассказ которого был опубликован в местной газете 11 мая 1918 г., писал, «что прибывших членов комиссии сестры проводили в отдельное помещение. Через некоторое время пришла игуменья и потребовала предъявить мандаты. Мандаты были предъявлены. В это время на звон колокола стали подходить крестьяне из окрестных деревень. Они явились в корпус и потребовали объяснений, зачем

прибыла комиссия. Им объяснили. Крестьяне стали возражать против составления описи, говоря, что монастырь раньше был приходской церковью и все находящееся в нем имущество принадлежит приходу, что обязанность хранения монастырского имущества лежит на церковном совете прихода, у которого имеется опись, и что приходское собрание постановило никому не разрешать производить опись Ферапонтова монастыря. На это представители сказали, что если приход возражает против составления описи, то они не будут ее составлять, а снимут копию с имеющейся описи, если разрешит церковный совет.

Во время переговоров вошел священник монастыря о. Иоанн. Он горячо отстаивал интересы монастыря. Тем временем толпа росла, приблизительно крестьян было около четырехсот, настроены они были враждебно. Слышны были восклицания: «Дайте нам хлеба, а вы пришли тут описывать». Представители поспешили удалиться. Но на них стали нападать. Тогда они бросились бежать. Вслед полетели камни и даже раздались ружейные выстрелы. Достигнув леса, беглецы спрятались и лежали, пока не стемнело. После выбрались на дорогу и пошли в Кириллов.

Стихийно возникший протест прихожан был воспринят как заранее задуманная акция, вследствие чего исполкомом решено допросить игумению Серафиму, а священника Иоанна Иванова арестовать за якобы имевшее место подстрекательство (протокол № 57 от 21 мая 1918 г. заседаний УИКа)⁸ [14, л. 97 об.]. Отца Иоанна «за погромную агитацию против Советской

⁸ В том же протоколе упомянут, но не назван некий художник, присутствовавший при инциденте в Ферапонтовом монастыре, которому также надлежало явиться на допрос. Вполне вероятно, это был или реставратор Александр Иванович Анисимов, член комиссии по охране и реставрации памятников древнерусской живописи, работавший в экспедиции, созданной И. Э. Грабарем летом 1918 г., или Павел Иванович Юкин, постоянный слушник А. И. Анисимова

в экспедициях с дореволюционной поры.

замеченных в контрреволюционных выступлениях, подлежащих расстрелу» [19]. В нем рядом с фамилией «Иванов (поп Ферапонтовского монастыря)» помета «расстрелян».

«Дело об убийстве Костюничева Андрея Иудича» (так в деле. — Е. С.) имело непосредственное отношение к расправам в Кирилловском уезде. Дело находится в фонде Череповецкого губернского революционного трибунала [20]. Обстоятельства убийства изложены кратко: 11 сентября 1918 г. в 11 часов вечера из ружья с улицы был убит председатель Совета бедноты коммунист Андрей Иудович Костюничев из деревни Сосуново. В причастности к убийству обвинялись Иван Костюничев, Василий Костюничев и Александр Костюничев, жители той же деревни, последний — двоюродный брат убитого, застреленный родным братом коммуниста Семеном.

Из показаний Семена Костюничева: «Вечером в день убийства мы сидели и пили чай. Часов около десяти раздался выстрел, Андрей встал и сказал: “Вот меня и убили” — и повалился. Андрей сидел у закрытого окна. После убийства я сразу же выскочил на улицу и закричал “караул”, народ собрался, и так как у меня было подозрение на Василия, Ивана и Александра Костюничевых, то я отправился к ним с народом вместе» [20, л. 40]. Семен шел с народом в дома подозреваемых с обыском, ища улики. Улик он не нашел — ни оружия, ни доказательств того, что хозяева в роковой час были вне дома. Искали мокрую обувь, потому что шел дождь, между тем обувь была сухой. Их алиби подтверждалось и свидетелями: в обоих домах гостевали знакомые. Однако подозреваемых держали до утра в доме убитого Андрея Костюничева. На рассвете Семен, войдя в комнату, вынул из кармана револьвер и выстрелил дважды в спину спящему Александру, ранил его, затем в Василия — тоже дважды, но не попал. Когда Семен направил револьвер на Ивана, тот вскочил и схватил его за руку. Пуль уже не было, и Семен стал бить Ивана револьвером, потом выбежал в другую комнату, схватил винтовку и выстрелил в убежавшего Александра, который тут же упал замертво. Схватив со стола японский штык, Семен набросился на Ивана. В это время проснулись еще двое спящих в этой комнате и стали кричать. Воспользовавшись смятением, Иван выхватил штык, выпрыгнул в окно и убежал [20, л. 64, 111 об.].

Как видим, в доме коммуниста в отличие от домов подозреваемых было оружие: и револьвер, и винтовка, и штык. Только чудо спасло Василия и Ивана от расправы злобствующего коммуниста, который мог стрелять в спящих людей и, ранив Александра, не пощадил его и потом, добив выстрелом

из окна. О своем злодеянии он сказал на суде кратко: был сильно раздражен, хотел убить всех троих. Уже убив Александра, он не мог унять злости и ударил убитого прикладом по голове [20, л. 113 об.].

Однако к суду он был привлечен только как свидетель, а невиновные люди сели на скамью подсудимых. Совершенное преступление не помешало карьере Семена Костюничева, ставшего потом помощником комиссара III ранга Кронштадтской народной милиции в 1919 г. Если вспомнить кровавую расправу с моряками Балтийского флота в Кронштадте, можно представить, что классовая ненависть Семена Иудовича только помогала в его деятельности. Что же касается оценки его действий Кирилловским исполкомом, то она занесена в протокол: «Действие считать правильным и наказанию не подвергать» [20, л. 403], а находящихся в тюрьме препроводить в Череповецкий уголовный розыск для исполнения приговора, при этом в примечании указано, что для них требуется усиленный конвой «как на склонных к побегу»⁹.

⁹ Хранится в судебном деле один любопытный документ от 15 сентября 1918 г. по поводу раненого Ивана, проходившего медицинское освидетельствование. Постановление о нем гласит: «По выздоровлении подвернуть расстрелу» [20, л. 389].

Состоялось два судебных процесса. Первый принял резолюцию: ввиду неполноты следствия и за недостаточностью улик поручить произвести опытному лицу точное расследование. Однако никакого расследования произведено не было, на основании прежних материалов состоялся второй суд, на следующий год, 24 октября. «Принимая во внимание постановление ЧК от 13 сентября 1918 года и приговор местного народного суда, согласиться с таковым и подвергнуть высшей мере наказания — расстрелять, но, принимая во внимание, что это было совершено в 1918 г., что подсудимые представляют тип средних крестьян и что они малосознательны, трибунал нашел возможным приговор смягчить, подвергнув 15 годам общественно-принудительных работ при Череповецком концентрационном лагере с учетом предварительного заключения» [20, л. 118]¹⁰.

¹⁰ Далее Костюничевы подали кассационную жалобу, но Кассационный отдел ВЦИКа нашел, что кассационных поводов не имеется. Младший, Василий, 23 лет, неоднократно просился на фронт добровольцем в действующую Красную Армию, но

ему отказывали. Жена Ивана в 1920 г. обращалась к властям с мольбой «освободить его на полевые работы под залог имущества... из-за пришедшего в упадок хозяйства и малолетних детей» [20, л. 39 об.].

По общественный обвинитель от партии — нашлась и такая фигура на суде — заявил, что был «заговор как на коммуниста». В речи «правозаступника» прозвучало: «Относительно заговора прошу принять во внимание, что среди мужиков нет заговоров, какие могут быть среди партийных людей. Василий и Иван Костюничевы не могли иметь злости против Андрея как

коммуниста потому, что сами были бедняки. Скорее всего мог убить тот, кто и не сидит на скамье подсудимых» [20, л. 41]. Это высказывание правозаступника о том, что подлинные убийцы остались в тени, подтверждается и судебными документами, и последующими событиями.

В свидетельских показаниях жителя той же деревни А. А. Хохлова упомянуто одно смущающее обстоятельство: Александр Костюничев (убитый впоследствии Семеном) как-то поделился, что ему предложили подряд: «Предлагают убить одного человека, дают оружие на выбор, 1000 рублей и 6 пудов муки» [20, л. 40]. Но следствие не обратило внимания на это заявлено, хотя оно давало основание предполагать подлинного убийцу.

Наводит на размышление появление некоего лица в деревне, имевшего любое оружие — на выбор, немалые деньги, муку в голодное время и предлагавшего взамен на это зловещий подряд — убийство человека. Этот искуситель не мог быть жителем той же деревни, где все друг у друга на виду. Этот некто имел холодный расчет, идущий, скорее всего, дальше убийства коммуниста — к последствиям убийства, а именно к безнаказанности тех действий, которые будут им вызваны. Расчет был прост: искать подлинного убийцу не станут, а заподозрят кого-то среди своих, потому что недовольство друг другом в период земельных и хлебных переделок в пылу революционной сумятицы обязательно разгорится в деревне. Поспешность судов и всякое нарушение законности уже стали нормой, никто особенно разбираться и искать правду не будет.

Можно было бы не останавливаться так подробно на деле об убийстве Костюничева, если бы речь шла о частном случае. Не зря же судьи так старательно придавали ему политическую окраску. Нельзя рассматривать его в отрыве от того, что происходило тогда в стране, от тех «закрытых писем», которые получили теперь широкую известность. Публикации последних лет секретных инструкций вождей революции прямо говорят о том, что это была типичнейшая провокация, дававшая верный повод к расправам над духовенством и дворянством.

Красный террор

Между убийством коммуниста А. И. Костюничева и первыми расстрелами, им, якобы, вызванными, прошло всего четыре дня. Пока решалась судьба тех, кого только подозревали в участии на покушение, расправились с людьми, которые не имели никакого отношения к данному делу. Для человеческой логики это совершенно невероятно, но революционная логика иная: подозреваемые в убийстве живы и продолжается над ними следствие, а невинные люди — заложники, произволом объявленные врагами, расстреляны на четвертый день. Еще несколько человек внесены в список следующими жертвами залога.

По поводу ареста заложников Святейший Патриарх Тихон в Послании Совету Народных Комиссаров писал: «Казнят не только тех, которые перед вами провинились, но и тех, которые даже перед вами заведомо ни в чем не виновны, а взяты лишь в качестве “заложников”, этих несчастных убивают в отместку за преступления, совершенные лицами не только им не единомысленными, а часто вашими же сторонниками или близкими вам по убеждению. Казнят епископов, священников, монахов и монахинь ни в чем невинных, а просто по огульному об-

Игуменья Серафима — настоятельница Ферапонтова монастыря. Фото 1910 г. из частного архива, публикуется впервые

винению в какой-то расплывчатой и неопределенной “контрреволюционности”. Бесчеловечная казнь отягчается для православных лишением последнего предсмертного утешения — напутствия святыми тайнами, а тела убитых не выдаются родственникам для христианского погребения...» [21, 252–253].

Цинизм слуг большевизма доходил до того, что если не было контрреволюционных выступлений, то их провоцировали. А в Кирилловском уезде было довольно спокойно по сравнению, скажем, с Москвой, Петроградом, Ярославлем и другими «горячими» регионами. Здесь не было ни казачьих восстаний, ни крупных помещиков, ни банкиров. Весь так называемый эксплуататорский класс исчислялся десятком-двумя предпринимателей мелкой и средней руки и купцов. И вот за провокационным выстрелом последовало постановление ревтрибунала: «Ответить на убийство коммуниста Андрея Костюничева красным террором, а именно: кроме наглых убийц и заговорщиков, подвергнуть расстрелу из числа 52 заложников, взятых Кирилловской ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, более выдающихся активных контрреволюционеров, 37 человек расстреливать, на коих имеется особое постановление и список» [20, л. 72]. Список этот также подшит к судебному делу.

Заметка в кирилловской газете, посвященная похоронам коммуниста Костюничева¹¹ и красному террору, заканчивалась словами: «За каждую голову честного борца будут снесены ваши головы тысячами» [22].

15 сентября 1918 г. Череповецким губернским карательным отрядом на рассвете были расстреляны епископ Кирилловский Варсонофий и игуменья Ферапонтова монастыря Серафима. Из воспоминаний Белоножковой Авдотьи Лонгиновны, видевшей расстрел (деревня Карботка Кирилловского района, запись 1985 г., рукопись): «Прибежал парень, говорит, что сидите, когда на солдатском огороде расстреливают? Все и побежали. Горюшка Золотуха ступенечками.

Все стоят, а те бегают и говорят: “Не плакать. Плакать не велели”. Все мужчины, одна женщина. Игуменья Серафима идет, ног не подымает, волочет без палочки. С палочкой бы полегче. В архиерея двенадцать раз стреляли, не могли попасть, все стоял руки вверх. Один подбежал: Опускай руки, а то — прикладом! Молил-

¹¹ В центре Кириллова, в сквере напротив бывшего райкома партии, стоит памятник коммунисту Костюничеву, захоронение которого было сюда перенесено спустя 50 лет после описанных событий. Глубоко символично, что в основание монумента положили плиты, взятые в не столь отдаленные времена с монашеских могил Кирилло-Белозерского монастыря.

ся. Как опустил, так и попали. Расстреляли шесть человек. < ... > Помню одного, кто расстреливал, из деревни Константиновка, — Алексей Утышев, в тот день и погиб, потонул, страх взял. Озеро бездонное. На Золотухе народу было много, никому не велели плакать. Игуменья была в одежде, на уголочке красная буковка. Яму выкопали, закопали парами».

Послушница Ферапонтова монастыря Александра Арлакова (г. Белозерск, запись 1984 г., рукопись) в те дни была на сборе подаяний; когда вернулась, ей рассказали монахини, которые следовали за матушкой, — ее келейница Мария и Александра Самойлова, письмоводительница: «Приехали люди на лошадях. Матушка перед этим поговела, причастилась, сидела за столом, ужинала. Они попросились к ней, сказали:

— Матушка, собирайтесь с нами.

— Зачем?

— Затем, что вы нужны в город Кириллов.

Она, конечно, расстроилась. Оделась, поехала с помощницами. Посадили одну, сказали взять с собой подушку. А на рассвете в половине шестого повели за город, пешком — на расстрел, за Обшару. Яма была уже приготовлена. Матушка прихрамывала, шла с палочкой. Поначалу печалилась, а епископ Варсонофий утешал:

— Ты не скорби, а радуйся. Это очень быстро пройдет, не бойся, мы с тобой прямо в Царство Небесное пойдем».

Из рассказа протоиерея Валентина Парамонова (г. Москва, запись 1993 г., рукопись): «Игуменья попали в лицо, размозжило голову. В епископа Варсонофия, пока он стоял с воздетыми кверху руками, не могли попасть. Он за всех читал молитвы на исход души. Ему кричали, чтобы опустил руки, били прикладом. Когда дочитал молитвы, сказал: “Теперь стреляйте”. Двенадцатым выстрелом его убили».

Близким не дали похоронить убитых, их закопали в общую яму. Над телами расстрелянных надругались, положив по двое: на бедного клали богатого, а тело епископа Варсонофия положили на тело матушки Серафимы.

В течение двух лет православные испрашивали разрешения перезахоронить тела убитых, но так его и не добились. Сохранилось письмо, составленное одним священником на имя главного вдохновителя красного террора. Читая эти строки, видишь, до какой крайности унижения было доведено духовенство уже к 1920 г. Приводим его полностью: «Дорогой наш товарищ, друг народа, Владимир Ильич!

Надежда на Вашу безграничную доброту и справедливость дает мне смелость, по заповеди Христа “просите и дастся вам”, утруждать Вас всепочтительнейшею просьбою.

Инокья Александра Самойлова, письмоводительница Ферапонтова монастыря. Фото 1900-х годов., публикуется впервые

В 1918 г. в сентябре были преданы расстрелу в г. Кириллове Череповецкой губернии епископ Варсонофий, Ферапонтова монастыря игуменья Серафима и с ними пять человек мирских лиц. Они лишены были погребения по обряду православной христианской Церкви и лежат до сих пор в общей могиле, вдали от кладбища, неотпетыми. От лица монашествующих, духовенства и граждан г. Кириллова, почитавших своего архиерея — отца Варсонофия, я осмеливаюсь Вас почтительнейше просить, хотя в виде “амнистии” дать разрешение нам останки этих жертв предать земле по православному христианскому обряду с переносом на свои кладбища. Признаюсь, местными властями было дано монахам Кирилловского монастыря 2—3 часа для перенесения тела епископа в монастырь, но последние что могли сделать в такой короткий срок?!

Будьте любезны и добры, дорогой наш правитель Владимир Ильич, разрешите отдать нам свой последний долг своему епископу и иже с ним.

1920 года 17 октября. Ваш покорный проситель и слуга Ковжской церкви Череповецкой губернии и уезда. И. д. благочинного, священник Алексей Колкачский» [23]. На полях письма, кроме штампов делопроизводства, — пометы и резолюции: «Т. Галкину», «Почему не могли перенести?», «Запросить Череповецкий губисполком обо всех обстоятельствах дела. Есть ли намерение у Кириллова (неразборчиво) в перенесении (далее неразборчиво)». Внизу листа штамп редакции «Революция и Церковь», куда было направлено письмо для публикации и осмеяния.

Просьба православных удовлетворена не была, позже на месте расстрела и погребения построили свинарник, который стоит там и до сей поры.

Свидетелями происшедшего оказались реставраторы древнерусской живописи, члены северной экспедиции, направленной в Белозерье. Из письма А. И. Анисимова И. Э. Грабарю от 4 (17) сентября 1918 г.: «В эту субботу был арестован епископ Варсонофий в момент возвращения со мною в экипаже из Гориц. На рассвете следующего дня он был выведен с игуменией Ферапонтова монастыря, двумя горожанами и двумя крестьянами в поле и расстрелян. Расстрел произвели присланные из Череповца красноармейцы. Стреляли в спину. < ... > Это убийство было неожиданным не только для населения, но и для местного совдепа, члены коего говорят, что не они виновны в этой смерти и что последняя легла на них тяжестью. За те недели две, что я здесь, я не замечал со стороны Варсонофия какого-либо вмешательства в политику: он занят был только церковными делами, хозяйством монастыря и был всегда прост, ровен и внимателен к запросам и требованиям местного совдепа. Уже две ночи подряд последний дает разрешение на вырытие тела епископа, игумении и остальных убитых из ямы, куда они были брошены, и две ночи подряд являются череповецкие красноармейцы и, отменяя разрешение совдепа своими силами, заставляют вновь закапывать трупы. Оба великих монастыря являются сейчас лишенными какой-либо власти и руководящего заведывания, что не может не тревожить меня в крайней степени» [24, 94].

Об общей атмосфере тех дней в уезде у членов северной экспедиции сложились самые мрачные впечатления: «Жизнь здесь, и раньше невеселая, превратилась в какой-то кошмар: чувствуешь себя запертым в тесный зловонный зверинец, где принужден испытывать все ужасы соседства с существами, коим нет имени» [24, 94].

Через несколько дней А. И. Анисимов написал И. Э. Грабарю о положении в Горицком монастыре: «На днях я снова был в Горицах и застал там великую панику. Несколько человек собрали три окрестных деревни и предложили им подписаться

под постановлением, что монастырь надо очистить от монахинь, заселить “беднейшими” и прочее в том же роде. Монахини бросились в город, в “исполком”. Им ответили, что местный совдеп ничего подобного не затевает, но что если они волнуются, то, во 1-х, совдеп сделает по этому делу особое совещание и постарается защитить их, а во 2-х, пусть они обратятся к моей защите. Из этого Вы можете усмотреть, как понимает мой полномочия здешний совдеп, но для меня то этого очень мало. Необходимо, чтобы коллегия или прислала сейчас же сюда особое лицо с особыми полномочиями для охраны зданий и имущества таких монастырей, как Кирилло-Белозерский, Ферапонтовский и Горицкий, а то и всех церквей этого края, или чтобы она на это время вручила такие полномочия мне» [24, 94–95]. Но таких полномочий Александр Иванович не получил, как не получило их никакое иное лицо.

Позже А. И. Анисимов и сам попал в число страдальцев, он был арестован органами НКВД и отправлен на Соловки, где в 1937 г. его расстреляли.

Всего полтора года владыка Варсонофий (в миру Василий Павлович Лебедев) был настоятелем Кирилло-Белозерского монастыря и одновременно викарием Новгородской епархии, но успел завоевать глубокую любовь паствы, как проповедник и миссионер, умелый организатор и смиренный монах.

Родился он в 1871 г. в бедной семье псаломщика села Старухина Боровичского уезда Новгородской губернии. Отец Павел Михайлович рано умер, мать Аграфена Ивановна осталась с восемью малолетними детьми. Закончив Боровичское духовное училище и Новгородскую семинарию, Василий принял в 1895 г. постриг в Антониевом монастыре, затем был рукоположен во иеромонаха.

Еще учась в семинарии, увлекался лекциями по старообрядчеству, что подготовило его к дальнейшей миссионерской деятельности. Иеромонах Варсонофий стал миссионером в трех уездах Новгородской епархии, участвовал во всероссийских миссионерских съездах. Необычайным уважением он пользовался у старообрядцев, которые пригласили его на Первый Всероссийский Поморский собор, проходивший в Москве в 1909 г.

Известны его миссионерские брошюры: «Беседы с новгородскими сектантами пашковцами-баптистами» (Новгород, 1909), «Учение Слова Божия о необходимости молиться за умерших. Неправота и пагубность учения сектантов-пашковцев, отвергающих молитву за умерших» (Новгород, 1910).

Определением Святейшего Синода в 1909 г. о. Варсонофий был утвержден в должности епархиального миссионера-проповедника Новгородской епархии с возведением в сан архимандрита.

Епископ Кирилловский Варсонофий (Лебедев). Фото 1917 г. из частного архива, публикуется впервые

Отец Варсонофий был одним из главных организаторов нового скита Антониева монастыря в Боровичском уезде, возглавил торжество закладки Параскевинской церкви в 1913 г., участвовал в освящении второго скитского храма во имя преподобного Антония Римлянина [2, 5].

В декабре 1916 г. в Новгородском Софийском соборе состоялось наречение, а 8 января 1917 г. — хоротония во епископа Кирилловского. 31 января епископ Варсонофий прибыл в Кириллов. Через несколько дней он посетил Ферапонтов монастырь, оставив свой автограф: «С чувством умиления и благоговения первый раз посетил св. Ферапонтовскую обитель, осматривая дивные фрески старины святой» [10, л. 11 об.].

Ничто, казалось бы, не предвещало трагедии. Летом 1918 г. владыка председательствовал на Кирилловском уездном собрании духовенства, в конце июня ездил в Новгород на выборы епархиального совета, создаваемого по решению Поместного Собора, а уже в сентябре совершилось злодеяние. Владыка Варсонофий обладал даром горячей проповеди, и народ верующий внимал каждому его

слову среди лжи, которую разливали повсюду. Именно это так раздражало новую власть.

Из воспоминаний И. А. Башнина, приводимых вологодским журналистом А. Варюхичевым [25] (а вслед за ним это повторяется и в прочих краеведческих публикациях). «Варсонофий и монастырские старцы препятствовали изъятию ценностей в пользу голодающих Поволжья¹², —

¹² *Изъятие церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья началось через четыре года после расстрела владыки.*

«вспоминал» позднее один из первых председателей исполкома уездного совета Иван Александрович Башнин. — Затем архиерей воспользовался новым поводом для враждебной вылазки — декретом об отделении Церкви от государства, а школы — от Церкви.

Летом восемнадцатого года он собрал верующих в зимнем Введенском соборе и выступил перед ними с проповедью: «Большевики отняли школу у Церкви на верную гибель просвещения! Отныне слово и закон Божий станут недоступны душам детей ваших! Никто не призывает их более следовать вечным заповедям Христа. Новые наставники будут засорять неокрепшие детские умы лживыми, еретическими учениями, посеют в юных душах смуту, неуважение к старшим, ко всякой собственности. А потом отринут детей и от семейного очага!..»»

Узнав заранее о готовящейся проповеди, И. А. Башнин и еще восемь активистов Совета пришли без оружия в собор, чтобы успокоить народ, сорвать вражескую агитацию.

«Я протиснулся вперед, — вспоминает Башнин. — И едва умолк архиерей, шагнул к нему: — Позвольте, святой отец, и мне слово сказать! < ... >

Но в толпе закричали:

— Долой антихристов из храма! Гоните их!

Мне и рта не дали раскрыть — схватили за локти, стали тычками в спину буквально перекидывать в сторону выхода < ... > Я тут же доложил обо всем исполкому. Решили усилить наблюдение за Варсонофием».

В своих воспоминаниях Башнин проводит прямую связь от проповеди владыки к событиям в доме Костюничевых: «Но тут заговорщики показали свои волчьи зубы: в августе, через несколько дней после проповеди архиерея, они убили одного из наиболее активных организаторов Советской власти в городе и уезде — Андрея Юдовича Костюничева».

Далее А. Варюхичев пишет: «Через некоторое время чекистам уезда во главе с Евгением Алексеевичем Волковым удалось распутать клубок белого заговора, который держали в своих холеных руках эсерка Симанова, архиерей Варсонофий, игуменья Ферапонтова монастыря Серафима и другие главные контрреволюционеры уезда».

По воспоминаниям первого председателя Кирилловской ЧК Е. А. Волкова, которыми он поделился много лет спустя, приехав в музей-заповедник, пишет журналист, в покоях владыки был произведен обыск, найдены некий список и оружие в тайнике.

Как видим, после проповеди владыки Варсонофия буквально за несколько дней был и «распутан клубок белого заговора», и произведен обыск и арест. Между тем из вышеприведенного письма А. И. Анисимова И. Э. Грабарю видно, что аресто-

вали владыку в экипаже по возвращении из Горлиц — значит, мнимый обыск произведен в его отсутствие.

Подобное встречалось повсеместно — например, «найденный» у Новоезерского настоятеля при обыске револьвер «бульдог», послуживший основанием для закрытия храмов в монастыре, явно был подброшен [27]. Многие подброшенные и потом найденные улики против духовенства изобретались организаторами красного террора для расправы с теми, в ком они видели своего обличителя.

Вскрытие мощей

3 (16) февраля 1919 г. вышло Постановление Народного комиссариата юстиции об организованном вскрытии мощей [28]. Всего до осени 1920 г. совершено 63 вскрытия мощей [29]. 4 (17) апреля святейший патриарх Тихон издал указ епархиальным архиереям об устранении поводов ко глумлению над святыми мощами и обратился к председателю Совнаркома Ленину по этому поводу. Однако вскрытия продолжались более того, циркуляром Наркомюста от 12 (25) августа предписывалось губисполкомам приступить вообще к ликвидации мощей, «опираясь на революционное сознание трудящихся масс, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости при проведении своих мероприятий» [30]. Мощи передавались в музеи для демонстрации «деяний, направленных к эксплуатации темноты». Прокуратура должна была возбуждать судебные преследования всех лиц, «виновных в фальсификации», т. е. тех, кто убеждал о чудотворности мощей, причем ведение следствия поручалось следователям по важнейшим делам.

Мощи белозерских святых находились преимущественно под спудом: преподобных Кирилла Белозерского, Нила Сорского, Мартинаиана. Они не подвергались глумлению, хотя ходили слухи о том, что их вскрывали. Скорее всего могло быть показательное вскрытие рак преподобных, в которые обычно перекладывались мощи после их обретения. Но поскольку мощи преподобных Кирилла Белозерского и Нила Сорского не обретались, то раки не содержали их мощей. Они были надгробиями, украшенными иконами и покровами, полагающимися святым, стояли на возвышениях под сенью. Хотя мощи преподобного Мартинаиана в Ферапонтовом монастыре обретались в 1513 г., но были тогда оставлены под спудом. Относительно их в 1937 г. было принято следующее решение. Ленинградский облисполком по поводу закрытия Ферапонтовского прихода утвердил предложение областной комис-

сии по вопросам культов: «Мощи, находящиеся в бывшем Ферапонтовском монастыре церкви под спудом, РИКу с заинтересованными органами ликвидировать совершенно, без оставления даже следов на данном месте» [31, л. 17]. Однако ни в одном из документов, ни в устных преданиях в Ферапонтове нет упоминания о том, чтобы кощунство было совершено.

В числе первых подверглись вскрытию мощи преподобного Кирилла Новоезерского. Кирилло-Новоезерский монастырь, лежащий на Красном острове Нового озера, в 40 километрах от Белозерска, хотя и не входил в Кирилловский уезд, но исторически относился к Белозерью, где ведущим в духовной жизни оставался Кирилло-Белозерский монастырь. События революционной смуты их еще более объединили.

В августе—сентябре 1919 г. для обследования архива и библиотеки Кирилло-Новоезерского монастыря был командирован академиком С. Ф. Платоновым научный сотрудник М. Г. Курдюмов, который представил рукописный отчет о проделанной работе, скопировал приходо-расходные памятные книги и книги XVI—XVII вв. В отчет попало описание событий, свидетелем которых явился ученый. Первым совершенным кощунством в монастыре было вскрытие мощей преподобного Кирилла Новоезерского. Михаил Григорьевич Курдюмов пишет: «В январе этого (1919) года (по иным сведениям — 3 апреля [29]), по словам архимандрита Иоанна, в монастырь явилась из Белозерска особая комиссия из представителей уездной советской власти и предложила избрать в нее представителей и от монастырской братии для освидетельствования мощей преподобного Кирилла. В состав комиссии вошли: архимандрит, три иеромонаха и один иеродиакон. По мысли председателя комиссии, было предложено архимандриту и присутствующим из братии приступить к вскрытию мощей, но монашествующие все категорически отказались от этого, указывая на то, что они не достойны производить освидетельствова-

Рака преподобного Мартиниана Белозерского. Фото 1990 г.

ние мощей и не уполномочены на то Новгородским епархиальным советом, и демонстративно вошли в алтарь. После этого по предложению того же председателя к вскрытию раки приступил местный фельдшер, который ножом распорол мантию и обнаружил останки преподобного, причем тут же был составлен и протокол вскрытия мощей. Этот протокол не лишен интереса в смысле показателя того невежества, какое проявил фельдшер, дававший в качестве эксперта свое заключение. < ... >

Ключ от церкви, где находятся мощи, был передан красноармейцу, и последний по просьбе желающих осмотреть останки открывал храм, но служба в нем и по настоящее время не производится.

Тогда же представителями местной волостной власти была запечатана ризница и у каждого из братии ночью реквизированы одежда, белье и другое имущество» [32].

Несмотря на решительность действий исполкома Белозерска со вскрытием мощей преподобного Кирилла Новоезерского, не было определенного понимания того, как с ними поступить в дальнейшем. На заседании Белозерского УИКа 11 июня 1919 г. обсуждался вопрос «о постановлении на место раки, вскрытых мощей и передаче всего мо-

настырского имущества, земли бывшей братии в монастыре». Постановили: «...Кости вскрытых мощей поручить врачу таковы обезвредить, положить в деревянный гроб и поставить на прежнее место» [33, л. 190].

Не раз вопрос о мощах поднимался верующими и впоследствии. Так, в 1925 г. в письме в Череповецкий губисполком Белозерский УИК пишет, что монастырскую церковь желают взять в свое ведение 9 селений, т. е. 340 домохозяев, «просят мощи. Я им объяснил, что изъять мощи с того места, на котором открыты, нельзя по разным причинам... Из постановления видно, что им не так нужна церковь, как мощи...» [33, л. 180].

Говоря о Кирилло-Новоезерском монастыре, нельзя не сравнить его с другой островной обителью — Соловками. Подобно

тому как последний, по выражению одного священника, стал «антиминсом всей России», первый явился таковым для Белозерья. Сюда свозилось белозерское священство и монашество. Земля Новоезерского монастыря в буквальном смысле залита кровью мучеников за веру Христову. По образному выражению одного верующего, этот монастырь сам является престолом Храма Белозерского, в основании которого лежат мощи мучеников.

Несколько лет назад из тюрьмы поступили сведения о некоторых видениях, имевших там место. В частности, видели там монахов, шествующих по воздуху в монастырский храм на Божественную литургию под звон колоколов. Видели их и на стенах монастыря.

И по сей день Кирилло-Новоезерский монастырь представляет собой унылое зрелище поруганной святыни. За его стенами находится тюрьма для особо опасных рецидивистов, кому смертная казнь за злодеяния заменена пожизненным заключением. Монастырская стена опутана колючей проволокой под высоким напряжением. Архитектурных признаков каменных храмов снаружи не видно, нет ни глав, ни крестов. К скорбному острову нельзя приблизиться без особых документов.

Изъятие церковных ценностей

Некоторое время после выхода Декрета об отделении Церкви от государства монастырские ризницы стояли опечатанными, но недолго. Вскоре на-

чались разовые изъятия, мнимый учет ценностей. Вкус к грабежу стал прививаться. Изъятия 1918—1920 гг., проводимые местными властями, были

только эпизодическими мерами по «затыканию» финансовых прорех. Неприкрытый грабеж начался в связи с опубликованием Декрета об изъятии музейного имущества в помощь голодающим.

Голод, начавшийся в Поволжье летом 1921 г. и охвативший более половины России, был спровоцирован и использован советской властью для новой кампании против Церкви. Созданный в августе 1921 г. Всероссийский церковный комитет помощи голодающим был признан ВЦИКом излишним и упразднен, взамен его образован партийный ЦК ПОМГОЛ. За свою реальную деятельность Всероссийский комитет помощи голодающим поплатился после роспуска казнями сотен его членов.

Работники ВЦИКа, пришедшие к руководству ПОМГОЛа, получая помощь для голодающих со всего мира, откликнувшегося на воззвание Российского первоиерарха — святейшего патриарха Тихона «К народам мира и православному человеку», тем временем продавали русский хлеб за границу, объявляя о якобы имевшихся хлебных излишках на внутреннем рынке. К этому голоду, истребившему крестьянскую Россию, была приурочена кампания по изъятию церковных ценностей.

20 декабря (2 января) 1922 г. вышел Декрет об изъятии музейного имущества, а 15 (28) февраля издано послание патриарха, в котором святейший разрешил добровольные пожертвования церковных ценностей, за исключением предметов, имеющих богослужебное употребление. Церковь отдавала сокровища, накопленные веками, перед лицом страшного бедствия, разразившегося над кормильцем страны — российским крестьянством. Но добровольность жертвы не устраивала новую власть, строившую свои отношения с Церковью на основе насилия.

19 марта, после кровавой стычки в Шуе Иваново-Вознесенской губернии между прихожанами и комиссией по изъятию ценностей, Ленин передал Молотову для членов Политбюро секретное письмо, в котором недвусмысленно инструктировал об использовании положения в стране для борьбы против Церкви: «Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. < ... > Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий». Знаменателен конец письма Ленина: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии участ-

ся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [34].

Начались повсеместные узаконенные разрушения церковных и монастырских ризниц, уничтожение художественных произведений и архивов, ценное объявлялось неценным, подлежащим изъятию, переплавке, передаче в Гохран. Золото и серебро Церкви свозили в Москву, и оно оседало в Государственном хранилище и Наркомате финансов.

Общеизвестно, как это проходило по стране. Особенностью же Белозерья было то, что Кирилло-Белозерский монастырь представлял собой одно из ценнейших собраний, исключительное по своей художественной значимости.

Описи хранилищ, составленные еще в 1918 г., весьма неточные, легли в основу изъятий. Монастыри, сразу с подозрительностью отнесшиеся к описыванию утвари и пытавшиеся этому воспрепятствовать, оказались правы. После составления этого, хотя и приблизительного, документа сокровища становились музейными единицами и могли подлежать любым действиям.

Не располагая конкретными цифровыми данными по изъятиям в монастырях Белозерья, привлечем архивные сведения по Вологодской губернии, поскольку через Вологду ценности поступали в Москву и Вологодский краеведческий музей, именуемый в документах Губмузей. Изъятые со всей области сокровища свозились для передачи в Гохран. Материалы об изъятиях настолько обобщены, что невозможно установить исторической судьбы хоть какой-то вещи, хотя архивные данные обширны [См.: 35].

Какие размеры имело разграбление церквей, можно видеть по той «оптовой» отчетности, которая попала в документы. Описи изъятых вещей описаны как таковыми и назвать нельзя — они являют собой перечисление номеров ящиков с указанием общей стоимости и веса. Например, в Гохран из Губмузея передано восемь Евангелий общим весом 7 пудов 10 фунтов [36]. Эта скудная запись говорит о многом: о том, что каждое из Евангелий было на престольным — значит, особой святыней, что было оно огромным по своим размерам, несомненно, с дорогим окладом высокой художественной ценности, выложенным драгоценными камнями.

При оценке церковного предмета художественные достоинства подчас отделялись от номинальной стоимости. Так, на одном из заседаний Губисполкома обсуждалась судьба двух серебряных панатий и двух цат от ризы с драгоценными камнями. Определяли, что художественного значения они не имеют, но являются по своей стоимости крупными ценностями, поэтому передаются в Гохран [37].

Утварь оценивалась по неправдоподобно низким ценам. С течением малого времени церковное имущество могло подвергаться переоценке. Например, имущество городского собора и Спасо-Суморина монастыря в Тотьме уценено с 4321 до 3000 рублей [38, л. 57]. Уценены колокола в 4–5 раз [38, л. 61]. Вообще творилось что-то немислимое, дерзали оценивать даже целые монастыри. Скажем, все имущество Спасо-Каменного монастыря, что на Кубенском озере, в древности входившего в пределы Белозерья, было в 1929 г. оценено в 4839 рублей [38, л. 66 об.], а решетка Николо-Сеноплощадной церкви в Вологде продана Рудметаллу за 11 рублей 13 копеек [38, л. 69].

Вовсю шла распродажа церковного имущества частным лицам. В документах о продаже вещей из Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой читаем: проданы 76 покровцев по 50 копеек [39, л. 54 об.], ризы парчовые и бархатные по 5 рублей за штуку проданы некоему гражданину Халкову на общую сумму 2500 рублей [39, л. 55]. Большое число церковной утвари перешло в клубы [39, л. 52].

Из Губмузея в Гохран передавались вывезенные серебряные раки святых. По одному из актов упомянуты 92 части от рак [40]. В их число попала серебряная позолоченная рака преподобного Кирилла Белозерского 1643 г. работы Серебряной палаты Московского Кремля, ныне находящаяся в Музеях Московского Кремля [41]. Она чудом уцелела от нескольких переплавок. Вывезена была также рака преподобного Нила Сорского 1862 г., представлявшая собой резное с позолотой надгробие, обложенное чеканными серебряными изображениями (накладки весом 1 пуд 10 фунтов и 87 золотников) и серебряной чеканной ризой на образе [42]. Туда же попала серебряная позолоченная с чернью рака Кирилла Новоезерского 1795 г., пожертвованная Афанасием Долговым и московским купцом Семеном Васильевым, в клей-

мах которой изображены были все храмовые праздники Новоезерского монастыря. Единственная уцелевшая рака из белозерских земель — деревянная, резная с позолотой рака преподобного Мартиниана. Отсутствие серебра избавило ее от вывоза. Пожалуй, это вообще уникальный случай сохранности деревянной раки на своем исконном месте [43].

Всего, по итоговой справке Вологодского губфинотдела, из церквей и монастырей губернии изъято ценностей до 580 пудов, из них отправлено в Москву 500 пудов. Из оставшихся 80 пудов подлежало отправке 60 пудов (из протокола от 14 марта 1924 г.) [44, л. 110]. По решению комиссии в музее оставлялось по одному экземпляру какого-либо вида утвари, а остальные «однородные» Евангелия, кресты, потиры передавались Гохрану.

Из письма И. И. Бриллиантова брату от 25 июня 1922 г.: «В Кириллове ограбили все ризницы, сняли оклады и венцы с икон, и увезена даже серебряная рака преподобного Кирилла — дар бояр Шереметевых XVII в. Также у Нила Сорского и в Горицах. В Ферапонтове взяли сосуды, лампаду — дар императора Николая II, венчики и цаты с древних икон... В кирилловском соборе диакон Михаил вдруг вышел из себя, обозвав членов комиссии грабителями, заявив, что расстрела не боится. Недолго спустя его арестовали, увезли в Череповец и, по слухам, присудили к трем годам принудительных работ» [45].

Из всех монастырей Кирилловского уезда менее всего пострадала от изъятий Ферапонтова обитель — по той простой причине, что древние ценности были вывезены еще при закрытии мужского монастыря в 1798 г., а из нового монастыря по большому счету изымать было нечего. Иконы еще не шли с молотка за границу, интересовали грабителей оклады из драгоценных металлов, накладные пластинки, венчики, цаты и драгоценные камни. Этого было совсем немного.

Семья Бриллиантовых

Неотделима от истории Ферапонтова монастыря судьба семьи Бриллиантовых, жизнь и труды которых неразрывно связаны с обителью и Цыпинским погостом, где находились, в полутора километрах от монастыря, дом Бриллиантовых и Ильинский приход, на котором неизменно служил отец большого семейства — священник Иван Михайлович Бриллиантов. На погосте была деревянная церковь Ильи Пророка 1775 г., построенная на месте чудесным образом явленной на дереве в лесу чудотворной иконы. Рядом построили и две каменные церкви — великомучеников Ге-

оргия Победоносца и Димитрия Солунского. Здесь же находилась первая в Кирилловском уезде церковноприходская школа, построенная на средства Ивана Михайловича Бриллиантова, где 20 лет учительствовал сам священник.

Четверо его сыновей получили духовное образование. Старший — Александр Иванович — родился в 1867 г., окончил Кирилловское духовное училище и Новгородскую семинарию. В 1891 г. завершил образование в Санкт-Петербургской духовной академии первым из выпускников, защитил магистерскую диссертацию и был единогласно из-

Ильинский погост на Цыпине. Фото Бриллиантовых начала XX в.

бран в 1900 г. доцентом на кафедру истории Древней Церкви. С 1904 г. — экстраординарный профессор, а после защиты докторской диссертации в 1914 г. ординарный профессор Духовной академии. Состоял делопроизводителем Комиссии Святейшего Синода по старокатолическому вопросу, председателем Библиотечной комиссии, членом предсоборного присутствия и Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 гг.

После ликвидации духовной академии и во время гонений на Церковь А. И. Бриллиантов твердо сохранял верность христианским убеждениям и каноническому священноначалию. До конца дней являлся хранителем архива и библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, вошедший в состав Государственной Публичной библиотеки Ленинграда, и приложил все силы, дабы уберечь фонды от разграбления и прямого уничтожения. В недавно изданном собрании документов, включившем переписку профессоров и преподавателей российских духовных академий, содержится много писем, обращенных к профессору А. И. Бриллиантову [46].

Одним из главных научных трудов Александра Ивановича была подготовка к изданию лекций его учителя — выдающегося ученого Василия Васильевича Болотова (1854—1900), члена-корреспондента Императорской Академии наук. Об издании А. И. Бриллиантовым научного наследия В. В. Болотова митрополит Киевский Анатолий (Грисюк) писал в 1925 г. Александру Ивановичу: «Как хорошо, что Вы успели до рокового конца академии издать лекции покойного В. В. [Болотова], в частности едва ли не самый лучший том их — 4-й. Когда перечитываешь страницы этого тома по истории христианских споров на Востоке в эпоху Вселенских Соборов, поражаешься вдохновенному проникновению и отчетливому, до мельчайших деталей, изложению критически проработанного материала. Можно пожалеть, что не удалось выпустить в свет дополнительный том,

где бы нашла место история пелагианства, потом история монашества и др. Но премного благодарен и за основной том плюс ряд посмертных статей и заметок» [46, 331].

В 1929 г. Александр Иванович вышел на пенсию, а через полгода был арестован по «делу академика Платонова». Это «дело» подвергло репрессиям более 100 ученых. Сотрудники Академии наук обвинялись в сокрытии от советского правительства важных архивных фондов государственного значения. В феврале 1931 г. был вынесен приговор о высшей мере, замененной позже пятью годами концлагерей с конфискацией имущества. Домой из тюрем Александр Иванович уже не вернулся, умер в заключении около 1933 г. [См.: 24, 131—136, 138].

Второй сын цыпинского священника — Иван Иванович Бриллиантов (родился в 1870 г.) стал историком Ферапонтова монастыря. Он написал труд, и доньше являющийся единственным полным описанием важнейших событий, достопримечательностей, исторических и художественных ценностей монастыря, а также сказаний о его подвижниках [8]. При написании книги И. И. Бриллиантов изучил все возможные источники: приходо-расходные книги, описи монастырского имущества, переписные книги, жития святых. Записаны им были также монастырские предания, обогатившие историю интересными подробностями. Книга имела широкий отклик в общественных кругах России и привлекла исследователей и реставраторов к изучению монастыря и восстановительным работам. Открытие И. И. Бриллиантовым принадлежности фресок кисти знаменитого древнерусского иконописца Дионисия было тем еще важно, что от его многочисленных работ в разных монастырях и церквях Ростовской епархии почти ничего не осталось, кроме исторических упоминаний. Это уже позже, в ходе реставрации, были обнаружены фрагменты фресок в Успенском соборе Московского Кремля, в конце же XIX в. об этом никто не догадывался.

Свой труд автор подарил игумении Таисии, что послужило толчком к ее хлопотам о возоб-

новлении обители. Благодаря Ивана Ивановича за присланную книгу, матушка написала о труде: «Прочтение его произвело на меня то впечатление, что во мне возгорелось сильное желание возобновить эту старинную обитель, превратив ее, конечно, в женскую».

Особое место в описаниях Иван Иванович уделил Цыпинскому погосту, куда в усадьбу родителей каждое лето на вакации съезжались братья из столицы. В доме располагались обширная библиотека и кабинет Александра Ивановича с профессорским письменным столом. Красота Цыпинского погоста, созданная самой природой, благоустраивалась семьей Бриллиантовых. В усадьбе был разбит известный на всю округу фруктовый сад, цвели необыкновенные цветы, росли белая малина и иные садовые редкости. Семена и саженцы выписывались из Петербурга и из за границы. К Ильинскому озеру и Цыпинскому погосту и теперь тянутся березовые и еловые аллеи, посаженные заботливыми руками. Одна из аллей названа Ольгиной рощей — по имени сестры Ольги. В период между закрытием мужского монастыря и открытием женского, т. е. весь XIX век, на Цыпине находился феррапонтовский причт.

В настоящее время погост запустел. Каменные церкви взорваны в 1960-х годах, деревянная Ильинская церковь после нескольких попыток реставрации утратила четыре верхних яруса. Иконы и царские врата вывезены в Кирилловский музей, среди них — чудотворный образ XVI в. «Илия Пророк в пустыне», явленный в лесу.

Будучи помощником инспектора духовной академии, Иван Иванович преподавал одновременно в двух духовных училищах. В период реставрационных работ 1914 г. был секретарем комитета по реставрации. С закрытием духовной академии в 1918 г. вернулся на родину. Ивану Ивановичу пришлось менять род службы, начиная с члена цыпинского сельсовета. Попал он и в Комиссию по изъятию церковных ценностей в качестве составителя исторических описаний церквей, монастырей и икон в 1922 г.

В одном из писем брату Александру он писал об этом: «Несвоевременна теперь эта затея, — теперь, во время голода, да что поделаешь, буду указывать (при переговорах) на свою неподготовленность к археологической работе и на существующие уже описания Феррапонтова монастыря, делать новую работу излишне, да ведь не послушают. Да и некогда мне теперь этим заниматься: кормиться теперь здесь можно только физическим трудом. Я должен колоть и пилить дрова, носить воду и прочее, иначе пришлось бы нанимать прислугу, а это при скудости запасов невозможно» [45, 139–140].

Братья Бриллиантовы. Сидят: Иван и Александр; стоят: Вениамин и Леонид. Санкт-Петербург 1910-е годы.

В следующем письме Иван Иванович упоминает о том, что к ним в дом приезжали реквизировать мебель для феррапонтовского клуба, который открыли в нижнем этаже монастырской гостиницы, а из дома расстрелянного о. Иоанна взяли посуду, диван и цветы. «5 (18) декабря пришел к нам из Феррапонтова о. Павел Лесницкий, изможденный и ослабший от голодовок (давали 1 16 хлеба на духовенство)» [45, 140]. Отец Павел Лесницкий был вторым священником Казанского собора в Кириллове.

Живя на Цыпине, Иван Иванович с усердием занимался огородничеством, чем кормился сам и подкармливал старшего брата, высушивая овощи и высылая их в Петроград: «Я же сам не особенно рад своей новой должности, боюсь, как бы она не стала потом весной или летом отвлекать меня от занятий огородничеством, которое лучше и вернее меня прокормит, чем большевистские тыщи» [45, 141].

В письмах И. И. Бриллиантова брату содержатся эпизоды, из которых можно видеть общую атмосферу, сложившуюся вокруг Кирилловских монастырей в 1920-х годах. Вот несколько выдержек.

«Неделю назад на Зайцеве (деревня вблизи Феррапонтова. — Е. С.) умер скоропостижно, от-

хлестав жену вожжами, один коммунист. “Товарищи” из Кириллова устроили ему гражданские похороны с музыкой и атеистическими речами на могиле. Похоронили его у монастыря около сушила (Казенная палата. — Е. С.), близ дороги. Монастырских заставили в трапезе приготовить мясной обед. В трапезе играла музыка и был митинг, на котором предложили монахиням сделаться коммунистами не по имени только, а и на деле, снять иконы, выбрать новую начальницу из послушниц, ходить на спектакли. Монахини ответили отказом» [45, 142].

«Церкви обложены теперь большими налогами. С ферапонтовской требуют к 1 июля 2 миллиарда (с цыпинской церкви 1,5 миллиарда, соберут ли эту сумму — неизвестно) под угрозой закрытия, причем церковь угодника (преподобного Мартириана. — Е. С.) предположено, говорят, обратиться в театр» (письмо от 17 мая 1923 г.) [45, 143].

«Монахам Кириллова монастыря запрещено было ходить с иконой, а недавно и самый монастырь закрыт (говорят, за то, что поминали патриарха), и богослужение в нем прекращено¹⁴. Та же участь постигла Нило-Сорскую пустынь.

¹⁴ Договор с об- щинной растор- гнут 29 сентября 1924 г. — из про- токола заседа- ний президиума Череповецкого ГИКа [33, л. 60]. Днем рождения Кирилловского музея считается 19 декабря 1924 г., когда была составлена опись имуще- ства Кирилло-Бе- лозерского мона- стыря, имеющего музей- ное значение. Это явилось фактической да- той ликвидации монастыря.

Об открытии Кириллова мона- стыря, говорят, возбуждено хода- тайство гражданами» (Письмо от 23 декабря 1924 г.) [45, 143].

«Земли, скот и инвентарь Фе- рапонтова монастыря присоеди- нили к Лукинскому совхозу. За- ведующий Зайцев уже перевел часть скота в Лукинское и засеял ферапонтовские поля клевером. Монахини пока живут. Зайцев будет их брать на работу, но ку- да денутся старицы — неизвест- но. Нилову пустынь отдали в распоряжение исправдома и на- селили арестантами. Монахам предоставили один полуразру- шенный скит» (письмо от 26 ап- реля 1925 г.) [45, 142].

Здания Ферапонтова монастыря намеревались использовать для разных целей, еще в 1922 г. И. И. Бриллиантов писал брату о четвертой не-

И. И. Бриллиантов, автор книги о Ферапонтовом монастыре

удавшейся попытке сделать в нем детский приют.

Дальнейшая судьба самого Ивана Ивановича сложилась трагично. Через полгода после зачисления в штат Комиссии сотрудников музейной секции подотдела искусств он был уволен, а через полгода после ареста брата Александра также был арестован — в январе 1931 г., погиб в тюрьме, где похоронен — неизвестно. Вместе с ним погиб и его шурин, супруг сестры Екатерины, протоиерей Александр Фомин, благочинный. Оба приговорены «тройкой» ОГПУ к высшей мере наказания (газета «Новая жизнь», № 7 от 7 июня 1925 г. — рукопись автора заметки списка реабилитированных. В газете ошибочно — к трем годам).

Отношение к обновленцам

Упомянувшийся в одном из писем И. И. Бриллиантова повод к закрытию церквей и монастырей — поминовение патриарха Тихона на ектениях во время богослужений — стал отзвуком того противостояния внутри Церкви, которое было спровоцировано советской властью для уничтожения самой

Церкви. Какое, казалось бы, дело новой власти до того, о чьем здоровье молятся верующие в храме?! Однако и самого святейшего подвергли бесстыдному суду и предписали не помянуть его на службах.

Из разъяснения новгородского прокурора от 18 (31) июля 1923 г. по поводу поминовения свя-

тейшего патриарха Тихона: «Торжественное поминовение на ектении, во время великого входа и т. п. заведомых контрреволюционеров, как, например, бывшего патриарха Тихона, находившегося под судом, именованное его “Господином нашим” и проч. уже выходит за рамки простой молитвы и является публичным изъявлением хвалы заведомым врагам сов. власти... Служители культа, которые будут продолжать такое поминовение... как лица социально опасные, на основании декрета ВЦИК от 18 августа 1922 г. будут представляться в особую комиссию при НКВД для высылки в административном порядке с заключением на три года в лагерь принудительных работ» [21, 343].

Зная церковный канон, можно было предположить, что очень многие священники не пойдут на нарушение, а значит, попадут в приготовленную для них ловушку. Власть запретила поминать патриарха, а традиция Матери-Церкви не позволяла не поминать имя своего первоиерарха в молитвах. И вот священнослужителю приходилось выбирать, кого бояться больше — Бога или новую власть.

Большинство кирилловских священнослужителей остались верны патриарху Тихону и заветам Церкви. Хотя и сюда просочилось отступническое течение так называемых живоцерковников, однако в документах содержится много жалоб на «упрямство» монахов и иереев в соблюдении поминовения. Примером для приходов служили богослужения в Кирилло-Белозерском монастыре и Нило-Сорской пустыни. В одном из секретных писем Кирилловского УИКа в Череповец сообщается, что религиозная община Кирилло-Белозерского монастыря из 20 человек («1 игумен, 7 иеромонахов, 4 иеродиакона, 4 монаха и 4 женщины-старухи») примыкает к «тихоновскому» течению, а клир Казанской церкви в Кириллове разделен, один священник — «обновленец», а другой — «тихоновец», а население в большинстве своем примыкает к «тихоновскому» течению, вследствие чего в праздничные дни скопление народа в монастыре бывает больше, чем в городском Казанском соборе. В монастырь в праздничные дни ходят также и жители близлежащих деревень [47].

Нельзя не упомянуть приходских священников, указанных в числе «провинившихся» в поминовении своего патриарха, приводимых в одном из документов по Никольскому Торжку и Волоколамну Кирилловского уезда: Соловьев — Николо-Волокославинская церковь, Черняев — Славянско-Вознесенская церковь, Смирнов — Николо-Торжская Сретенская церковь, Исаев — Воскресенско-Рукинская, Соболев — Параскево-Нелюбодовская церковь Талицкой волости, Курпнов — церковь Петра и Павла Ситская (имена священников в документе не указаны) [48, л. 60]. Заключение, принимаемое по таким церквам

стандартно: расторгнуть договор с общинами, дело на священника передать в ОГПУ. Правда, И. И. Бриллиантов пишет в июне 1922 г., что по предписанию большевиков был устроен съезд духовенства в Ниловой пустыни трех благочинных округов, им заранее вручена резолюция с порицанием святейшего патриарха Тихона, но духовенство сочло ее слишком резкой и подписало резолюцию в более мягкой форме. Через несколько дней всех вновь собрали и принудили подписать первоначальный текст [24, 142]. Автор упоминает о присутствии кирилловского владыки Тихона на съезде и его подписи под воздействием страха. Однако сам И. И. Бриллиантов на съезде не присутствовал, писал, по-видимому, с чьих-то слов. Есть основания сомневаться в запуганности владыки, поскольку он не убоился занять кафедру Кирилловского епископа следом за расстрелянным епископом Варсонофием. Это подтверждает и заключение начальника административного отдела Череповца от 16 июля 1924 г. о расторжении договора с общиной Нило-Сорской пустыни за то, что Кирилловский епископ Тихон поминал святейшего патриарха Тихона. Дело о «контрреволюционных выступлениях» епископа Тихона было передано в ОГПУ [48, л. 48, 121].

В отличие от Кирилловского уезда сам Череповец, ставший губернским городом, подвергся значительному влиянию обновленцев. Скорбно читать письма, исходившие из Череповецкого епархиального управления в исполком с жалобами на «тихоновских» священников, они напоминают доносы [48, л. 207]. И действия за ними следовали соответствующие.

Из сводных данных по состоянию на 1 апреля 1925 г. по Череповецкой губернии числилось 348 общин православного старого течения и 70 нового течения [48, л. 244]. По Кирилловскому уезду начальником милиции были поданы в ГИК сведения в мае 1924 г. о численности верующих в общинах и числе религиозных общин. В уезде всего оставалось 56 общин. Самой многочисленной оказалась Николаевская община в селе Волоколамине — 3500 человек, следующей — Благовещенская — 1722 человека и Цыпинская — 1254. Община при Казанском городском соборе насчитывала 1400 человек, Ферапонтовская — 541, Горницкая Введенская церковь — только 75 человек. Сведений по Кирилло-Белозерскому монастырю и Нило-Сорской пустыни не содержится [49].

В эти многопечальные годы гонений на Церковь Христову нелегкий крест архипастырского служения на кирилловской кафедре суждено было понести владыке Тихону (Тихомирову) — последнему из Кирилловских епископов (1920—1927 гг.). Рукописи и фотографии владыки, а также семейные святыни семьи Тихомировых хранятся в настоящее время вологодским священ-

ником Сергием Телицыным [49]. Сведения об этом исповеднике православной веры, по-видимому, будут еще собираться составителями его жития. Со своей стороны автор данной статьи сооб-

щает, что в Книге для записи лиц, посещающих Ферапонтов монастырь, упомянуто первое служение владыкой Божественной литургии в означенном монастыре 6 (19) июля 1920 г. [10, л. 12].

Использование церквей и монастырей

С середины 1920-х годов борьба против Церкви уже не прикрывалась финансовыми трудностями, говорилось теперь не об изъятии ценностей, а прямо формулировалась задача ликвидации монастырей и оставшихся церквей под предлогом плохого хранения церковного имущества, неуплаты аренды, «нарушения технических правил пользования имуществом».

Разоренные и оскверненные храмы все еще казались представляющими опасность. В старые стены надо было поместить новое содержание для окончательного разрыва всех нитей, связывающих Россию со своим тысячелетним прошлым. Дальнейшее использование церковных строений в бумагах архивов означено однотипно: «под культурные цели», т. е. школы, исправительные дома, клубы. Кошунство не знало предела. Глумились и над монастырскими кладбищами. Так, кладбище Тотемского Спасо-Суморина монастыря превратили в детскую площадку, а в Горицах кладбище стало футбольным полем.

Многочисленные здания Кирилло-Белозерского монастыря хотя и были объявлены в эти годы музеем, но использовать все 40 строений музей был просто не в состоянии. Появились арендаторы, которые хозяйничали как хотели, тем более что бережное отношение к такого рода имуществу не было принято. Заведующая музеем Е. В. Дьяконова жаловалась, что решением Кирилловского райисполкома монастырь был занят в 1931 г. районным сенозаготовительным пунктом, а в 1932 г. — пунктом скотозаготовок, что в подклетах зданий помещались тысячи голов скота [50, 18].

Неоднократно власти делали попытки как-то использовать строения Кирилло-Белозерского монастыря: вынашивались планы устройства кинобудки во Введенской церкви и трапезной палате, а в церкви Евфимия — пионерского клуба и детской площадки. Что-то музею удавалось отстаивать, но во время войны церковь Введения была занята воинскими частями под мастерскую по ремонту самолетов, для чего была разобрана одна стена, куда втаскивали самолеты (из письма директора музея в РИК от 26 января 1948 г. [51]).

Школа для глухонемых детей выведена из монастыря только несколько лет тому назад после пожара, а общежитие культпросветучилища еще находится в монастыре.

Некоторые закрытые монастыри власти пытались насильно преобразовать в коммуны, потом сами монашествующие, чтобы хоть как-то сохранить свой уклад, пробовали оформиться под видом артелей. Еще в 1918 г. братия Нило-Сорской пустыни выдавала себя за сельскохозяйственную коммуну, но УИК решения не принял, «так как переименование монастыря при существующем штате не представляется возможным» [52]. 6 мая 1924 г. по Вологодской губернии прошло разъяснение Губисполкома с предписанием ГАО (губернскому административному отделу) проверить наличие таких артелей в монастырях и окончательно закрыть монастыри [44, л. 151 об.].

Дольше всех продержался Горицкий женский монастырь, закрытый после 1930 г., его превратили в колхоз «Колос». Нило-Сорскую пустынь отдали под колонию. Ферапонтов монастырь передан школе. В 1929 г. в деревянном корпусе власти намеревались создать коммуну, но он сгорел. Произведенное расследование результатов не дало.

Из трех деревянных келейных корпусов, построенных для возобновления женской обители, ни один не смогли использовать для иных целей, кроме монастырских. Первый корпус сгорел в самом монастыре, второй вывезли в Лукинское для коммуны — и он сгорел, последний вывезли для Ферапонтовской школы — и он также сгорел за день до 1 сентября. Злоумышленников так и не нашли.

В рассказах приводится много примеров, как без причин, само по себе вдруг сгорает то, что когда-то принадлежало Церкви. Например, перевезенная одним крестьянином деревни Окулово часовня, которую тот приспособил под жилой дом, сгорела перед заселением.

Сводные данные по уезду (тогда району) сообщаются в письме начальника районного административного отдела от 26 июня 1930 г. Приводим его полностью: «До революции было 4 монастыря: в г. Кириллове, в слободе Ферапонтово, в слободе Горицы и в Пустыни. Церквей числилось по г. Кириллову — 4, в сельской местности — 35. Часовен: в г. Кириллове — 4, в сельской местности — 39. К настоящему времени числится по г. Кириллову функционирующих церквей — 2, часовен — 4, в сельской местности церквей — 29 и часовен — 34.

Все четыре монастыря закрыты и используются для других надобностей: в г. Кириллове — му-

Город Кириллов. Церковь
Двенадцати апостолов при кладбище.
С 1932 г. используется под электро-
станцию. Фото 1986 г.

зей, в слободе Ферапонтово — сельсовет, школа, часть его сохраняется как музейная редкость и находится в ведении Главнауки (музей относился к Ленинградскому городскому музею реконструкции сельского хозяйства. — Е. С.). В слободе Горницы — совхоз и в Пустыни — сельхозколония «Труд» Белозерского исправдома.

В г. Кириллове закрыта и используется под электростанцию 1 церковь (церковь 12 апостолов. — Е. С.), вторая, хотя и числится в пользовании религиозной общины, но служение в ней не производится. В сельской местности закрыты 2 церкви: в м. Сизьма и м. Новодевичье. Собирается материал о закрытии по желанию самих верующих церкви в с. Ниловцах, а также 2-х церквей в сл[обод]е Горницы, так как они находятся на территории совхоза.

Числится в пользовании религиозной общины церковь в с. Улома, но служение в ней не производится вследствие необходимости производства капитального ремонта. К настоящему времени насчитывается религиозных общин и групп — 26.

Служители культа: священников — 29, диаконов — 1, псаломщиков — 17. Из числа священников двое отказались от сана. Все служители культа проживают на территории деятельности религиозной общины. Лишено избирательных прав бывших монахинь — 319 и монахов — 9» [53, л. 100—100 об].

Лишение избирательных прав было, по сути, поводом к последующим репрессиям. Сведения «о религиозных объединениях» собирались перед решительными мерами органов власти против людей, еще находящихся на свободе и посвятивших себя служению Церкви. Как раз к началу 1930-х годов относится новая волна арестов монашествующих и священников.

«Так, 27 июля [1929 г.] приехали семья, состоящая из трех человек (муж, жена и дочь)¹⁴, —

¹⁴ В Книге для записей лиц, посетивших Ферапонтов монастырь, с редкими в те годы записями под 27 июля 1929 г. стоят подписи трех семейных пар: А. Соколов и С. Н. Соколова, И. В. Федышин и Е. Н. Федышина, художник В. Голицын и Е. Голицына [10, л. 14 об]. И. В. Федышин — известный вологодский реставратор, не допустивший разорения знаменитой колокольни Софии Вологодской, единственной уцелевшей колокольни в епархии, за что полатился тюремным заключением. Ныне в Вологде трудятся его сын-реставратор Н. И. Федышин и два внука — реставраторы Иван и Николай.

В специальной инструкции начальника административного отдела губернии по вопросам отделения Церкви от государства рекомендовалось волостным милициям для учета и наблюдения за преступным миром «секретно, без всякой могущей быть огласки, завербовать себе осведомителей из партийных и надежных крестьян, а также из членов РКСМ, которые без всякой платы, при умелом к ним подходе окажут... громадную услугу» [54].

К цитированному выше письму был приложен донос агента угрозыска Кирилловского РАО относительно Ферапонтова монастыря. В нем сообщается, что под видом научных работников в монастырь приезжают люди молиться. «Так, 27 июля [1929 г.] приехали семья, состоящая из трех человек (муж, жена и дочь)¹⁴, — приехали со специальной целью, чтобы помолиться в монастыре и повидать знакомых монахин (так. — Е. С.). Этот случай не единичный, научных работников приезжает слишком небольшой процент, и все эти работники «с душком»... Контроля никакого или регистрации приезжающих не ведется, и потому выявить, кто и зачем приезжает в монастырь, невозможно... Настоящее сообщается для принятия мер, так как в дальнейшем такое положение недопустимо» [55, л. 48]. Меры последовали. Последние насельницы, которых оставалось к этому времени около 10, были изгнаны. Некоторые скрывались у родственников в деревнях, несколько уехали в Среднюю Азию, иные попали в число арестованных в последующие годы.

Еще несколько лет в монастыре совершались богослужения. Приходскими храмами были церковь преподобного Мартиниана — летняя и церковь Благовещения — зимняя. В 1936 г. у верующих отобрали летнюю церковь. В январе был заключен с православной общиной договор о пользовании церквями [31, л. 26], а в конце того же года постановлением ленинградского облиспол-

кома предписывалась ликвидация церкви преподобного [31, л. 16]. Хотя в протоколе указывается, что сама «двадцатка» добровольно отказалась от ее использования [31, л. 17], но по тону последовавшей телеграммы РИКу, в которой требовалась немедленная ликвидация не только богослужений, но и самих мощей, можно видеть, что добровольности не было. В списке «двадцатки» прихода вписаны две ферапонтовские монахини: Романова Александра Кузьминична, 60 лет, числившаяся в те годы сторожем Щёлковского сельсовета, и Смирнова Мария Иосифовна, 56 лет, колхозница [31, л. 7].

О «добровольности» передачи храмов красноречиво говорит одно из писем-инструкций кирилловского исполкома к сельским советам по поводу того, как следует закрывать церкви в районе: «Вы должны поставить перед собой задачу о совершенном закрытии этой церкви. Для этого вам необходимо сразу же провести технический осмотр вашей церкви, определив ее пригодность и не представляет ли она опасности обвала во время богослужения для молящихся. После изведения (так. — Е. С.) технического осмотра церкви, если требуется большой ремонт, а он должен быть (подчеркнуто в тексте. — Е. С.), предложите религиозной общине сделать этот ремонт, с дачей известного для этого дела срока. Проверьте, все ли платежи и аккуратно ли платятся за церковь религиозной общины, и тоже приобщите к делу. Все эти материалы и могущие служить предлогом закрытия церкви направить на утверждение президиума РИКа и ходатайства перед областью о закрытии этой церкви. Ответ о выполнении нашего отношения ожидаем к 1 марта» [56, л. 9].

Ответом сельсоветов начальству послужили массивные действия по закрытию всех приходских храмов бывшего Кирилловского уезда. К началу Великой Отечественной войны действующих церквей в районе не осталось. Из резолюций относительно их использования: церковь Дмитрия Солунского в деревне Цыпино Слободского сельсовета [Ферапонтово] — здание снести в месячный срок — 1937 г. [53, л. 114]; Ильинская церковь Цыпино — закрыть [53, л. 115], передать музею [53, л. 106] — 1936 г.; Горицкая Введенская церковь — снесли — 1938 г. [53, л. 137]; Рукинская Воскресенская церковь — под клуб — 1936 г. [53, л. 107]; Егорьевская церковь Липовского сельсовета — снести — 1937 г. [53, л. 110]; церковь Пет-

Благовещенская церковь Волокола-
винского сельсовета. С 1938 г. ис-
пользовалась как клуб. Фото 1988 г.

ра и Павла Сусельского сельсовета — под клуб — 1937 г. [53, л. 112]; церковь Александра Невского (Ивачевской) Пружининского сельсовета — под клуб — 1937 г. [53, л. 113]; Боро-Ивановская церковь Береговского сельсовета — под клуб — 1938 г. [53, л. 119]; церковь Благовещения Волоколавинского сельсовета — под клуб — 1938 г. [53, л. 120]; Николо-Бородаевская церковь Филипповского сельсовета — под клуб — 1938 г. [53, л. 122]; церковь Дмитрия Ростовского Щёлковского сельсовета — под школу — 1938 г. [53, л. 125]; зимняя церковь Дмитрия Солунского Николо-Торжского сельсовета — под клуб, летняя Николая Чудотворца — под МТМ 1-й Кирилловской МТС — 1938 г. [53, л. 127]; Сретенская-Присланская церковь Минчаковского сельсовета — под школу — 1938 г. [53, л. 130], Вознесенско-Соровская церковь Липовского сельсовета — под клуб — 1938 г. [53, л. 132]; церковь Иоанна Воина — под клуб — 1938 г. [53, л. 134]; Кленовская Николая Чудотворца церковь в Андреевском сельсовете — снести — 1938 г. [53, л. 139]; Иткольская церковь Флора и Лавра коварзинского сельсовета — под общежитие учащихся Коварзинской школы — 1939 г. [53, л. 143]; Сретенская церковь Колчачского сельсовета — под школу — 1939 г. [53, л. 145]; церкви Космы и Дамиана Талицкого сельсовета — под кустовый клуб — 1939 г. [53, л. 148]; Городецкая церковь Пружининского сельсовета — на слом — 1939 г. [53, л. 151]; Петровско-Талицкая церковь Петровского сельсовета — под клуб — 1939 г. [53, л. 153]; Троицкие церкви Талицкого сельсовета — летнюю сломать, зимнюю — под клуб — 1939 г. [53, л. 156]; Петропавловская Ситская церковь Бураковского сельсовета — под школу — 1940 г. [53, л. 159].

Изъятие колоколов

Накануне кампании по закрытию всех церквей в сельсоветы поступило письмо, «не подлежащее оглашению», о прекращении с 7 февраля 1935 г. колокольного звона в районе, согласно постановлению президиума Ленгорисполкома [56, л. 6]. Однако колокола и сами церкви предписывалось сохранять неприкосновенными до особого распоряжения. Следующим распоряжением было составление описей церковного имущества — по аналогии с 1918 г. По той же схеме начали производить изъятия. В изымаемое имущество попали и колокола.

В мае 1935 г. ожидался приезд бригады по съемке колоколов. Сельсоветы обязывались развернуть соответствующую работу среди населения, поскольку «со стороны населения могут быть протесты, что вызовет задержку по данной работе... Кроме того, вам надлежит безоговорочно предоставить бригаде перевозочные средства от места работ вашего сельского совета до другого пункта работ, а также обеспечить вывозку колоколов к ближайшей пристани по их указанию. Окажите бригаде содействие в части питания и ночлега» [56, л. 47].

Колокола, накануне объявленные представляющими художественную и историческую ценность, передавались Цветметлому. Колокола Кирилло-Белозерского монастыря, искусно подобранные по голосам, числом 15 еще в декабре 1930 г. попали в Рудметаллторг для продажи или переплавки. Исключение сделали только для самого большого — 1755 г., называемого Моторой, и двух иностранных колоколов XVII в. Но через год и Мотору изъ-

яли. Всего из Кириллова монастыря было сдано 31 298 кг колокольной бронзы и 2855 кг железа — колокольные языки [50, 17]. В Горицах изъято: бронзы 4998 кг, железа 550 кг.

В Ферапонтовом монастыре изъято 10 колоколов, общим весом 200 пудов [31, л. 33 об.] Один из колоколов любовно называли Лебедем, он был Благовестом. Рассказывали старожилы, что, когда его сбрасывали, отбилась кусок с образом Матери Божией, дети его подобрали и спрятали, но потом найти не смогли.

В Ильинском приходе на Цыпине, в который входили кроме деревень Цыпиной горы Борбушинский и Суховерховский сельсоветы, снято 8 колоколов, весом 241 пуд [31, л. 42]. В Пило-Сорской пустыни снято 13 колоколов, весом 289 пудов [53, л. 65].

С Казанского собора Кириллова снято 7 колоколов, с церкви Иоанна Воина — 6 [56, л. 40]. По району: в Чистодорском сельсовете — 5 колоколов на 18 пудов, в Андреевском соответственно — 5 на 62 пуда, в Колкачском — 6 на 239 пудов, большой 123 пуда, в Береговском — на 181 пуд, в Бураковском — 8, в Коварзинском — 5, в Волокославинском с церкви Благовещения — 9 на 443 пуда, большой 299 пудов, в Талицком — 7 на 185 пудов, большой 158 пудов [56, 12–16, 18, 21, 23, 40, 42]. Все колокола за редким исключением отправлены на переплавку.

Когда в 1989 г. открывался Ферапонтовский приход и восстанавливались колокольные звоны, по всему Белозерью было найдено только 2 колокола, 11 колоколов приобретено в Воронеже — новых и 7 перевезено из Кирилловского музея. Мастером Ю. П. Платоновым были подобраны колокола по голосам и устроена добротная звонница — пожалуй, пока единственная в Вологодской области с полным набором колоколов для разных звонов. Звонница дает широкие возможности для исполнительского мастерства звонаря. Развеска их имеет ту особенность, что часть колоколов помещена под башенными часами — для перечеся. Время в монастыре в XVII и XVIII вв. отбивалось колокольным перезвоном. Ю. П. Платоновым был починен часовой механизм, отлиты недостающие детали, осталась небольшая наладка.

Церковь в селе Зарчье Николо-Торжского сельсовета. Фото 1979 г.

К великому сожалению, в марте 1995 г. Кирилловским музеем были сняты с колокольни два старинных колокола и отправлены в Новгородский

музей. Мастер Ю. П. Платонов сетовал, что не мог себе представить, что в наше время с уже налаженной звонницы вновь будут снимать колокола.

Горицкие насельницы

Дольше других монастырей продержался Горицкий. Уже в его стенах находился колхоз «Колос», но монахини еще жили по монастырскому укладу. Часть их, из числа работоспособных, трудились в колхозе за право пользоваться жильем — своими же келлиями.

Но вот на имя председателя череповецкого окружного исполкома поступило секретное письмо № 162 от 10 августа 1929 г., в котором председатель кирилловского РИКа просит срочно сообщить, какие принимать меры по отношению к монахиням Горицкого монастыря, «так как дальнейшее пребывание их при музее монастыря невозможно. Из 350 человек монахин имеется до 70 человек, требующих размещения в специальные дома для престарелых, у нас же имеется здание в местечке Никулине, бывшая школа крестьянской молодежи. Туда ли их поместить или же распустить совсем, последнее рискованно в смысле того, что 350 человек явятся агитаторами в деревне против мероприятий соввласти и наблюдение за ними крайне затруднительно» [55, л. 50].

В этом же письме содержится жалоба на игумению монастыря, которая «руководя экскурсиями музея монастыря, своим объяснением экскурсантам напоминает о святых, их страданиях и так далее, что в данном случае действует на малокультурное население».

Сигнал поступил, за ним последовали действия. Оставшихся монахинь ни в дома для престарелых не определяли, ни в предложенное местечко Никулино. С ними поступили, как с соловецкими узниками перед закрытием там лагеря: монахинь погрузили на баржу, вывели ее в Белое озеро и потопили.

Долгое время не удавалось найти свидетелей происшедшего. Люди видели баржу, на которую сажали насельниц монастыря. Баржа отошла и больше вестей ни от кого не поступало, ни письма, ни записочки, никто и нигде их не видел. Ходили слухи, что их потопили, но свидетелей не находилось.

Но вот перед смертью капитан судна, которому было поручено это скорбное дело, рассказал об этом сам. Когда-то он давал подписку о неразглашении, но в конце жизни узнали об этом не только в его семье, но и несколько его друзей.

(Записано со слов Киришиной Анастасии Григорьевны, алтарницы Покровской церкви, его соседки.)

«Судно, на котором служил капитан Мерёжин Александр Константинович, называли шаландой.

Шаландами чистили каналы, вывозя на них ил. У судна открывалось дно. На такую шаланду погрузили и горицких монахинь. Мерёжин рассказал: поместилось в шаланду стариц около пятидесяти. Вывел он судно на Белое озеро, открыл дно и отошел. В бинокль видел, что старицы еще долго держались друг за дружку кольцом. Потом посмотрел — нет их уже, потонули...»

Настоятельница монастыря матушку Зосиму расстреляли. Она была последней игуменией Горицкого монастыря.

Мать Зосима — в миру Екатерина Реокаатовна Рыбакова, родилась в деревне Красново Ферапонтской волости. Из рассказа дочери двоюродной сестры игумении — Обленовой Тамары Ивановны, 1914 г. рождения (г. Кириллов, запись 1995 г.), ее участь была предсказана еще во младенческом возрасте. Однажды, когда ее мать Аграфера качала люльку, зашла странница и спросила: «Кого качаешь? Игумению?» Потом добавила: «Только ее расстреляют». Своей двоюродной сестре Анне игумения сама говорила о том, что ее должны расстрелять.

«Пока шли мирные времена, об этом предсказании как-то забылось, но с началом притеснений вспомнилось. И вот матушка Зосима затужила, впала в уныние, прислушивалась к шагам за дверью, перестала молиться. Была в монастыре юродивая мать Екатерина, обладавшая даром рассуждения. Пришла она как-то к игумении и говорит:

— Ну что, матушка, затужила? Расстрелять должны? Ну и что ж, если расстреляют! Давай с тобой меняться. Ты займешь мое место — будешь всем на посмеяние, а я займу твое — пять минут и я буду в Царстве Небесном. Давай меняться.

— Нет! — решительно ответила игумения. И воспрянула духом. Стала готовиться к своему последнему часу. Много молилась, повеселела. А когда пришли за ней, радостно отворила дверь, лампады были зажжены, пошла как на Пасху».

(Рассказ протоиерея Валентина Парамонова, г. Москва, запись 1993 г.)

В фотоальбоме о. Валентина сохранилась фотография игумении Зосимы со следующим автографом без указания года: «На молитвенную и добрую память. Дорогой моей послушнице, много потрудившейся во время моего заключения в тюрьмах, монахине м. Александре. Глубоко ценю твои все труды и скорбные переживания. Ваша не-

достойная И. Зосима. После тюрьмы». Из надписи следует, что игуменья Зосима была выпущена из тюрьмы. Но затем ее снова арестовали и на свободу уже не выпустили. По рассказам, ее расстреляли в Кирилло-Новоезерском монастыре.

О блаженной Екатерине сохранился еще один рассказ о. Валентина, о ее даре рассуждения. В голодный год одна из монахинь отправилась менять свои теплые вещи на жито (житом на севере называют рожь). На обратном пути, утомившись, присела на камень и задремала. Когда проснулась, спохватилась, что мешочек с житом исчез. Заплакала она и загоревала. Возропала на святителя Николая, что всю жизнь его чтит, а он не уберег ее от такой беды. Пришла она к матушке Екатерине со своим горем, стала сетовать, что ведь молилась, а не помогло. А блаженная говорит:

— Ну и что, что молилась? И вор молился. Значит, его молитва сильнее. Ты ведь жадная, ни с кем бы не поделилась, себе бы все жито оставила. А Господь так все устроил, что тебе твой же грех в праведность вменил. Может, ты от голодной смерти семью спасла. Иди и благодари Бога за все.

И монахиня ушла утешенной, молясь и славя Господа за оказанную ей милость.

Среди немногих, кто дожил до преклонных лет после всех гонений и тягот, была последняя игуменья Ферапонтова монастыря Мартиниана. Как на пустующую Кирилловскую кафедру после расстрела епископа Варсонофия мужественно заступил владык Тихон, так место расстрелянной игуменнии Серафимы пришлось занять матушке Мартиниане.

«Мать Мартиниана, в миру Мария Цветова, родилась 6 мая 1859 г. в Череповце в семье состоятельных и богобоязненных родителей. Их собственный каменный дом находился в центре города (впоследствии был снесен). В доме часто бывали монахини Леушинского монастыря, в том числе и его знаменитая игуменья Таисия. С детства Мария стремилась в монастырь и не скрывала своего желания. Видя тягу дочери к монашеству, мама однажды сказала:

— Как же ты пойдешь в монастырь, когда ничего не умеешь делать?

Мария стала учиться рукоделию, прилежно вышивала, вязала. Когда овладела рукоделием, мама сказала:

— Как же ты пойдешь в монастырь неученой?

Тогда девочка усердно принялась за учение, а в тетрадях на всех страницах рисовала церкви и монастыри.

В 12 летнем возрасте напросилась с тетей, когда та собралась на богомолье в Леушинский монастырь. 40 километров надо было пройти пешком. Мать возражала, но тетя обещала, что наймет лошадей, как только девочка устанет. Мария, чтобы не показаться усталой, забегала вперед, отдыхала

Игуменья Горницкого монастыря Зосима (Рыбакова). Фото 1930-х годов. Из архива о. Валентина Парамонова, публикуется впервые

и опять шла — очень уж не хотелось ей ехать в телеге, а хотелось, как настоящей богомолке, дойти до монастыря пешком. Так они дошли до монастыря. Было жарко, очень хотелось пить, путницы сильно утомились. Зашли в комнату, где останавливались паломники. В ней стоял большой чан с водой и деревянный ковш. Стала Мария пить с жадностью, к ней подбежала блаженная, вырвала ковш и окатила водой: «Обвенчали обвенчали, наша дева — наша дева». Так было предсказано, что быть Марии монахиней.

В тот же год умер отец, а на следующий год мать отпустила ее в монастырь. Было это так. В один из жарких дней Мария ушла в сад. Дверь в беседку была открыта. Она прилегла на диванчик и задремала. И увидела в открытой двери Божию Матерь в солнечном свете. Тут ее и разбудила прислуга — звали в дом. Девочка проснулась и увидела в открытой двери такой же разлитый солнечный свет, как в своем видении. Сердце напол-

нилось восторгом. Мария весело побежала в дом. Посылали прислугу потому, что за Марией пришли монахини из монастыря. Мать благословила дочь поступать в Леушинский монастырь, когда той исполнилось 13 лет.

Как проходили ее первые годы в монастыре, матушка не рассказывала, упоминала только о своем петербургском периоде. Игуменья Таисия, любившая юную насельницу, отправила ее на послушание на подворье Леушинского монастыря в Санкт-Петербурге. На подворье, где Мартиниана была алтарницей, часто приезжал и святой праведный Иоанн Кронштадтский и игуменья Таисия. Как искусная рукодельница, девушка вышивала о. Иоанну облачения, в которых он служил на подворье, и была его духовной дочерью. А когда жила не на подворье, а в самом Леушинском монастыре, ее послушанием был клирос, она пела в хоре.

Рассказывала, что о. Иоанн очень любил слушать пение канонов во время бесед с игуменьей Таисией и сестрами. Пока шел разговор, клирошане тихонечко пели любимые батюшкины каноны».

(Рассказ Волковой Антонины Александровны, прихожанки Покровской церкви 1921 г. рождения, проживающей с 1947 г. в Кириллове, родом из деревни Рукино Кирилловского района, запись воспоминаний 1991 г., подтвержденных старостой Покровской церкви А. И. Виноградовой, прожившей год в доме с матушкой Мартинианой, которой игуменья Мартиниана сама рассказала о себе в конце жизни.)

Со слов о. Валентина Парамонова, однажды, когда Мартиниана была уже в Ферапонтовом монастыре, она, обидевшись на какие-то строгости схимницы Ферапонты — сестры игумении Серафимы, сбегала в Леушино. За такие проступки полагалось наказание. Матушка Таисия подошла, обняла Мартиниану, посмотрела в глаза — вся и брань была.

Те, кто видел мать Мартиниану, описывают, что она была высокой, стройной, статной. Но самыми удивительными были ее глаза, выразительные и живые, проникавшие прямо в душу. Этот пронзительный взгляд передает и ее фотография¹⁵.

¹⁵ Фотография находилась в Белозерске, висела на стене у послушницы Александры Александровны Арлаковой, которая считала матушку Мартиниану своей духовной матерью. С фотографией Александра не хотела расставаться даже на время переселки. Не-

долго до своей смерти она отдала в церковь и верующим все иконы и книги, раздавала также те немногие вещи, которые имелись в доме, оставив у себя только бумажные иконки. Тогда же рассталась и с фотографией, передав ее автору.

ход вниз, в служебное помещение. Батюшка тоже спустился вниз, держа кадило, и протянул ей, чтобы она сама ему подала. Потом одна монахиня сказала Мартиниане, что раз этот священник поцеловал ей руку, то быть ей игуменьей, потому что батюшка прозорливый.

В Леушинском монастыре мать Мартиниана стала казначейей. И случилось большое искушение между сестрами, она тя-

желело переживала это время, не зная, как усмирить сестер. В то время ночью как-то увидела во сне, что стоит она у распятия, а на нем Спаситель живой. «Видишь, — говорит, — как Я страдаю, а ты не хочешь страданий потерпеть». Это видение и в последующие годы ободряло ее не раз. Она вспоминала его, когда бывало особенно трудно.

Еще одно предсказание о том, что ей придется быть игуменьей, услышала она от леушинской юродивой Христа ради Дарьи. Сидит мать Дарья на скамеечке и говорит идущей мимо Мартиниане:

— Вот будущая игуменья Ферапонтова монастыря.

— Как же игуменья, — спрашивает Мартиниана, — когда там есть игуменья?

— А ну — как не будет?

— Так там казначея есть, она будет игуменьей.

— А ну — как и казначеи не будет?

Так и случилось. Началось разорение, расстреляли игумению Серафиму, пришлось Мартиниане возглавить монастырь, стать игуменьей. Сознательная, что, если бы не предсказывали, ни за что не согласилась бы. Игуменствовать ей пришлось 10 тяжелых лет — последних лет женской обители.

Когда монастырь закрыли, она ушла в деревню Щёлково, неподалеку от монастыря, вместе с духовной своей сестрой — матерью Валерией. Похоронив мать Валерию, перебралась в Кириллов. Пришла проситься по благословию старца-мирянина Федора Соколова на незнакомую ей квартиру, к Марии Михайловне Майоровой, жившей на окраине Кириллова, у кладбища. У хозяйки были больны родители, лежали парализованные. Мария Михайловна сначала не хотела брать матушку в дом, но та предложила: я тебе буду помогать ухаживать за больными. Хозяйка согласилась.

Матушка пришла как простая женщина, просила не называть ее монахиней. Устроилась работать огородницей в колхозе. Когда сил не стало, начала стегать одеяла, тем они с хозяйкой и жили. Хозяйка часто поругивала матушку, а та все улыбалась. Игуменья помогала ей тайком, чтобы хозяйка не видела, потому что та была всем недовольна. Мария Михайловна как-то спрашивает:

Леушинские монахини Валерия и Мартиниана (сидит), будущие насельницы Ферапонтова монастыря. Петроград, 1914 г. (?). Фото из архива автора, публикуется впервые

— Ты почему улыбаешься, ведь я тебя ругаю?
— Разве?

Когда матушке жаловались на тяжелые времена, на то, что церкви позакрывали, она говорила: мы сами виноваты. Как мы жили? Весь мир принесли с собой в монастырь. А власти не надо судить. Там тоже есть верующие, они на работе, а потихоньку помогают. И действительно, матушке помогали, предупреждали об опасности. Поэтому она осталась жива, тогда как арестовывали почти поголовно и просто монахинь, а уж игумению не пощадили бы. Это чудо Божие, что ее не тронули!

А. А. Волкова познакомилась с матушкой Мартинианой около 1950 г. Услышав от кого-то из верующих о ней, пошла просить одеяло выстегать. Дома недоумевали: зачем тебе одеяло, есть на всех одеяла? Она сказала: «Надо». И пошла разыскивать, расспрашивала, где тут бабушки одеяла стегают. Ей показали. Принесла материал, а про главное спрашивать не смела. Через неделю пришла, а игумения говорит:

— Что-то ты рано пришла, еще и не начинали.

Тогда Антонина Александровна сообразила, что не одеяло ей нужно. Мать Мартиниана начала с

ней разговор о главном. И потом они часто беседовали. Антонина работала патронажной сестрой в детском отделении поликлиники, много приходилось ходить по городу, зато могла часто навещать матушку, лечила ее, делала уколы.

Зимой 1955 г. матушка тяжело заболела. Хозяйка просила позвать батюшку, но мать Мартиниана не велела беспокоить. Она очень хотела попасть в церковь на службу великомученице Варваре (17 декабря), которую чтит в Леушинском монастыре — престол во имя великомученицы Варвары. Антонина Александровна предлагала отвезти ее в церковь на санках, это четыре километра, но матушка ждала, что отвезет конюх — обещал. В тот год снег долго не выпадал, и конюх отказался ехать. Так она в церковь и не попала.

29 декабря Антонина Александровна позвала священника, батюшка обещал прийти на следующий день. Когда Антонина вернулась и сказала ответ матушке, она потянула недовольно: «Завтра?» Лицо ее уже осунулось, нос обострился, пульс был плохой. Антонина сделала укол, немного полегчало.

2 января было предпразднство Рождества Христова. Антонина Александровна пришла к ночи, как просила хозяйка, которой надо было идти дежурить вночь — она работала в школе глухонемых. Матушка лежала довольная, в ожидании праздника. Взяла поданную книжку, попела, что полагалось в этот день, побеседовала радостно.

— Когда поете на клиросе «Хвалите имя Господне», — сказала, — вспоминайте свои грехи, чтобы Бог простил. Потом прочитала молитву «Ныне отпуцаеши» и задремала.

Был десятый час вечера. Антонина Александровна засобиравшись домой, ей на смену пришла Нюра. Матушка подозвала ее к себе, поцеловала: осталась бы. Но Антонина ушла. Игумения всех поблагодарила, через полчаса заснула и больше не проснулась. Умерла во сне в полночь. Утром пришел батюшка причащать, а пришлось отпевать.

Следующей ночью Антонина Александровна вызвалась читать по матушке Псалтирь. Около трех часов ночи вдруг ощутила такое благоухание, какого никогда не чувствовала раньше.

Похоронили игумению у Покровской церкви, по монашескому чину, но одела ее Мария Михайловна почему-то, как послушницу, в простое черное платье. При своей жизни матушка очень любила петь зауспокойные молитвы, они такие красивые и проникновенные были в ее исполнении. Некоторые, услышав упокойные песнопения, боялись заходить в дом, думали, что кто-то умер.

Могилка матушки очень скромная, находится за алтарем с северной стороны, в ряду с четырьмя горицкими монахинями. На ней стоит железный крест, в ногах дубок растет. Недавно, расчищая кладбище, его спилили, но он опять пробился.

Отец Павел Никитин

Последним священником Ферапонтовского прихода был о. Павел Никитин. При нем закрывали Ферапонтов монастырь и изгоняли монахинь, при нем составляли описи и производили изъятия, взрывали цыпинскую церковь и разоряли храмы в округе, растаскивали остатки монастырского имущества и снимали колокола. Он был свидетелем гонений, арестов, сам был притесняем, но, пожалуй, оказался единственным батюшкой, уцелевшим от расправ, избежавшим тюрьмы и ссылки.

Отец Павел оказался первым, кто возобновлял после всех закрытий храмов богослужения в бывшем Кирилловском уезде, когда вновь разрешили открыть церковь.

Было это в 1943 г., после известных перемен Сталина по отношению к священству, вызванных рядом тяжелейших неудач на фронтах в начале войны и посланиями по этому поводу Антиохийского митрополита гор Ливанских Илии, в которых митрополит Илия, горячий молитвенник о России, сообщал о видении ему Божией Матерью, объявившей, чем именно может спастись Россия от гибели. Тогда начали возвращать священников с фронтов, из тюрем и лагерей, открывать церкви. Пришло и в Кириллов такое распоряжение. Но кому служить — власти не могли решить. Вспомнили о престарелом ферапонтовском батюшке.

«Отец Павел родился в селе Большое Восново, в 40 километрах от Устюжны, в семье дьячка Ивана Васильевича Никитина 19 декабря 1880 г. Мать умерла в родах, воспитывала мальчика бабушка. Через семь лет ослеп отец от ушиба, упав на льду при переходе реки Мологи.

В 1901 г. Павел закончил Новгородскую духовную семинарию и был направлен на Раменье под Ферапонтово, в церковь Параскевы Пятницы. Там женился на крестьянской девушке Александре Денисовой. Был псаломщиком, дьячком, около 1906 г. перешел диаконом в Ферапонтов монастырь, через три года рукоположен во иерея и направлен в Печенгу, где служил два года. Когда умер священник церкви Параскевы Пятницы, именуемой в народе Девятой Пятницей, стал проситься на родину жены. Его перевели служить в Ферапонтов монастырь, на приход, но жил он у Пятницкой церкви, ходил на службы шесть километров пешком.

С закрытием монастыря оставался служить на приходе. Когда и приход разогнали, пошел в колхоз, но убеждений не менял, молился. Спасло его от гонений то, что он был необычайно трудолюбив. На священство намеренно накладывали непосильную повинность, называемую тогда «твердым заданием», о. Павел ее исправно выполнял. Отца Пет-

ра Киянского из деревни Зайцево Ферапонтовского сельсовета, например, посадили за то, что он не смог выполнить наложенной повинности. Не было у о. Павла и яростных недругов или завистников, многим он помогал. Так уж случилось, что и доносов на него никто не писал. Это спасло семью, однако учиться детям в школе не дали, пришлось им уезжать в Ленинград на учебу».

(Из рассказа сына — Антонина Павловича Никитина, 1917 г. рождения г. Вологда, запись 1995 г.).

По воспоминаниям сына, батюшку сильно выручала его лошадь Рыжка. Вообще-то по молодости о. Павел любил менять лошадей. Бывало, матушка встретит его: «Опять обменял лошадь!» А Рыжка служила долго — 18 лет. Она оказалась выносливой, бежать быстро не могла, но тяжести возила большие. По «твердому заданию» надо было заготавливать клёпку (тарную дощечку) в огромном количестве. Древесина сырая, тяжелая, из лесу много не вывезешь, лошадь выручала.

Бороду о. Павел не брил, волос не стриг, заплетал косичку, когда в поле выходил пахать. Де-

Протоиерей Павел Никитин в деревне Аксёново. Фото 1946 г.

тей сызмалу учил трудиться. Никого никогда не ругал, хотя был вспыльчив. В семье было девять детей, с детьми был ровен, не наказывал, трудом и любовью преодолевались семейные трудности. Помогал людям. Когда сосед Григорий тяжело заболел и был при смерти, батюшка дал умирающему слово, что не оставит его семью участником. Обещание свое выполнил: каждый год пахал, сеял и убирал соседское поле.

Однако и о. Павла власти не оставили без «внимания»: хоть в тюрьму не посадили, но «попа» в районе потерпеть не могли, оставили без крова. Как-то зимой подъехали к дому люди, выгнали всех вон, а дом подожгли, рассчитывая, что с девятью детьми батюшке придется убраться. Но семья Никитиных недалеко уехала, их пожалел и пустил в свою летнюю часть дома крестьянин А. М. Паничев из соседней деревни Митинское. Потом раскулачили тестя, за ним — шурина, но удалось как-то откупить его дом, в нем и поселились.

Наступил 1943 год. Зимой в один из дней к дому подъехал молодой мужчина, вручил письмо от секретаря райкома партии: «Уважаемый Павел Иванович! Мы просим прибыть в Кириллов с нашим вестовым, обратно доставим». В доме всполошились: зачем могут вызывать власти? Но по тону письма, похоже, особой угрозы не было.

Приехали в Кириллов, подъехали к райисполкому. В кабинете уже сидели четверо: первый секретарь райкома, первый секретарь райисполкома, начальник НКВД и начальник милиции. Вошел батюшка, перекрестился.

— Ну что, Павел Иванович, — спросили ласково, — не разучились еще креститься?

— Не разучился.

— Ну вот, по решению правительства надо открыть церковь. По этому вопросу мы вас и вызвали.

— Освободите, не могу, — «товарищами» о. Павел никого не называл.

Стали уговаривать, давать гарантии, что на судьбе детей не отразится. Отец Павел долго отказывался, но потом перекрестился и дал согласие:

— Твори, Бог, волю Твою!

Предложили ему самому выбрать церковь, дали лошадь, сани, сена. Вернулся о. Павел домой,

Последний священник Ферапонтовой обители о. Павел Никитин, впоследствии настоятель Покровской церкви под Кирилловом. Фото 1958 г.

наутро поехал церкви смотреть: Ферапонтовская, Иоанна Воина и Покровская. Выбор остановил на Покровской церкви, говорил: и не город, и не деревня! Будут опять гонения, не сразу приступятся. Церковь стоит обособленно, в живописном месте, на Покровском озере, среди леса.

Прослужил в Покровской церкви о. Павел Никитин еще 15 лет, умер на 80-м году 13 марта 1959 г., похоронен у алтаря.

Матушка Александра после смерти батюшки уехала к старшей дочери. Две ее сестры были монахинями Горицкого монастыря — мать Ангелина и мать Капитолина, обе погибли от репрессий.

Покровская церковь

Церковь Покрова Божией Матери, находящаяся в предместье Кириллова, оказалась той твердыней, которую не удалось взять ни штурмом, ни осадой. С закрытием храма в 1936 г. несколько раз приступали к его стенам в попытке превратить его в какое-нибудь хранилище, но сторож церкви исчезала на это время с ключами. Со слов настоятеля

церкви Андрея Первозванного в Вологде протонерея о. Георгия Иванова, начинавшего священнические труды на Покровском приходе 25 лет тому назад, сохранила Покровскую церковь некая Акулина (фамилии никто не вспомнил). Она, будучи сторожихой, караулила на колокольне. Как увидит оттуда, что едут из Кириллова, убегала с клю-

чами в лес, там пряталась до времени. Запоры старинные, решетки на окнах и дверях храма сделаны основательно — не вдруг и сломаешь, а без ключей не заберешься.

После нескольких неудачных попыток занять церковь о ней забыли. То ли председатель сельсовета сменился, то ли прежний себя умно повел, но ее оставили в покое и не разорили. Когда ее открывали, священник нашел храм таким, каким его оставили после последней службы. Иконы, утварь и книги были на своих местах. В алтарь никто не входил, церковь была готова к службе. Это было настоящим чудом! Нашлись и певчие.

4 декабря 1943 г. на Введение во храм Пресвятой Богородицы была первая служба. Все было очень торжественно. Когда отец Павел Никитин подходил к церкви, его молитвенно встречали на паперти. На крыльце матушка поднесла подрясник, батюшка его надевал под пение на паперти, было молебствие, освящение. Великий праздник для всех был! Это было возрождение церковной жизни на кирилловской земле после восьмилетнего перерыва.

Судьба многих горицких монахинь, избежавших казней, оказалась связанной с Покровским приходом. Под Покровом Божией Матери нашли пристанище оставшиеся старицы, которые восстанавливали крепкий церковный уклад если не по монастырскому уставу, то построже приходского. Здесь любили молиться. И нынешние старшие прихожане Покровской церкви — их воспитанницы. Некоторые распевы до сих пор держат горицкие. И помянники читают матушкины. Кладбище по-деревенски ухожено. На могилки ходят, поминая своих наставников, поговорят с ними, помолятся, просят прощения: не все из их наставлений ценилось вовремя.

Но многое уже ушло из памяти прихода вслед за уходящими из земной жизни его прихожанами. То, что удалось записать по рассказам¹⁶, требует еще уточнений.

¹⁶ Рассказчиками были о. Валентин Парамонов, о. Георгий Иванов, А. А. Волкова, Т. И. Обленова, А. И. Виноградова, А. Г. Киришина, П. М. Лебедев, Е. В. Тихонова, Н. Н. Казнинов.

¹⁷ Мирское имя ее, как и некоторых других горицких насельниц, неизвестно.

Клир на Покрове составил в основном из горицких матушек. Мать Антония¹⁷ была алтарницей. Хор возглавила послушница Мария Мурашова. У нее был дискант. Родом из Аннинского Моста, она пришла в Горицкий монастырь не спросив родителей (по иным рассказам — по обещанию матери). Игуменья, узнав, что она хорошо поет, собрала сестер: попой, что знаешь.

— Мне стыдно петь в монастыре.

— Ну, иди попой за занавесочку.

Мария запела «По диким степям Забайкалья». Думала, заругают за нецерковную песню. Вышла из-за занавески, видит, сестры плачут: песня жалостная, всех растрогала. Было тогда девушке 16 лет. Через год за ней приехала мать. Мария знавалась: и с мамой хочется, и монастыря жалко. Села на паром, а потом сбежала, вернулась в обитель. С закрытием монастыря ушла в Кириллов. Когда начались аресты, пришлось уехать в Москву, к брату, который работал в Кремле, потом и его арестовали. Открыли Покровскую церковь — и она вернулась на Кирилловскую землю. Вела регентское дело. Умерла в 1967 г.

Знаменитая горицкая чтица мать Татяна (Осипова), инокиня, у Покрова пела и читала. Умерла в 1970 г. Послушница (или монахиня) Екатерина Цыганова пекла просфоры. Матушки Антония, Екатерина и Викторина жили вместе, в одном домике.

Мать Викторина (в миру Мария) была очень старенькой, полной, согбенной. Она не читала и не пела в церкви, но всех покоряла своей простотой и добротой, все раздавала. Когда нечего стало раздавать, подарила пришедшей ее навестить А. А. Волковой последнее — свою тарелочку. Часто бывал у нее мальчиком о. Валентин, многое она ему поведала. Когда в 1932 г. стали разыскивать по домам монахинь, хозяйка дома, где жили матушки, вышла навстречу милиционеру и шутливо отмахнулась: «Что мои монашки — рухлядь, только хлопот не оберетесь, по дороге развалятся». Их не тронули.

Мать Екатерина (Лопаткина ?), по рассказам, была очень мудрая, к ней многие обращались за духовным советом. Умерла в инфекционном отделении больницы от пузырчатки. Когда внезапно заболела, покрылась струпьями, отвезли в больницу. Только лицо оставалось чистым, даже морщинок не было. Она стряхивала струпья и благодарил Бога. Говорила: «Мне надо терпеть, потому что сама того пожелала». Когда читала об Иове Многострадальном, посетовала, что не ей такое: «Вот бы мне так». Вскоре заболела. Умерла около 1948 г.

Помнят покровские прихожане мать Агафонику — старенькую-престаренькую мантийную монахиню и мать Милодору. Мать Мелания (в миру Мария Яковлевна Второва) тоже была мантийной монахиней, она жила вместе с матерью Гавриилой и девицей Прасковьей. Была уже старой, почти слепой. Когда закрыли Горицкий монастырь, мать Мелания и мать Гавриила работали в кирилловской больнице санитарками. Прасковью убили цыгане в 1980 г., искали сокровища в доме. Она была очень ласковой и доброй.

Санитаркой в больнице работала также послушница Александра Кузнецова. Все звали ее тетей Сашей, она прожила 101 год, родом из деревни Иванцево Петриневского района. После монастыря

Покровская церковь в селе Аксёново под Кирилловом. Фото 1975 г.

сначала жила в доме зубного врача Густова, а когда он уехал, перешла в дом, принадлежавший когда-то купцу Тутрюмову, к новой хозяйке — Смелковой. Через 17 лет ее забрала сестра к себе, в Карелию, в поселок Повенец Медвежьегорского района, но сама умерла раньше, племянница определила тетю Сашу в дом престарелых, где она скончалась в 1987 г. Когда она жила еще в Кириллове, ни одной церковной службы не пропускала. О себе рассказывала, что пошла в монастырь после трех лет замужества, когда умерли от туберкулеза муж и двое маленьких детей. Свекор и свекровь посадили

Послушница Александра Арлакова

Последней из всех монастырских насельников Белозерья ушла из земной жизни послушница Ферапонтова монастыря Александра Арлакова. Она умерла 8 февраля 1994 г. на 101-м году от рождения. О своей судьбе рассказывала сама Александра, но очень скупно. Всякие расспросы считала любопытством, а значит, грехом и пресекала их. Только иногда что-нибудь вдруг скажет по случаю из прошлого своего, но немного. Когда говорила, то читала по памяти псалмы или молитвы вспоминала, растолковывая трудные слова.

ее в сани и отвезли в Горицкий монастырь. Было ей тогда чуть более 20 лет. Отдали матушке. Сашенька плакала, потому что в монастырь не собиралась уходить, но подчинилась воле родителей мужа. В монастыре ее звали «бабочкой», потому что была замужем. Жила так долго, потому что поминала многих умерших, ей прозорливые велели помянуть всех за упокой при чтении Псалтири. Она подолгу молилась и подолгу поминала усопших. У нее имелись все минен и много духовной литературы.

Нельзя не упомянуть также о тех прозорливых горицких старицах, которые в трудные годы помогали тем, кто к ним обращался. Авторитет монашества держался в народе высоко, хотя обращались к ним в основном по делам житейским. Это мать Репсимия, жившая в плохоньком домике у пристани, который все время заливало водой, умерла она в 1975 г., мать Корнилия, мать Уриила, монахиня мать Асенефа, жившая на Обшаре — окраине Кириллова по Белозерской дороге, она юродствовала с детства.

Мать Валентина (в миру Елѣва) жила в деревне Демидово, напротив деревни Вазеренцы. Из случаев ее помощи записано немного: девице Анне из деревни Мышино велела выходить замуж за Дмитрия, которого та еще не знала: «Четыре года будешь слезы лить, а потом так будешь жить, что все будут завидовать». Так все и случилось. Другой женщине, зашедшей к ней поздно вечером, велела немедленно отвести корову продать, та недоумевала, зачем к ночи, а не утром, но послушалась. Наутро пришли корову отбирать — раскулачивать.

Особую благодарную память у белозёр оставили горицкие юродивые Христа ради матушки Сергия, Марина и Калерия (см. о них в главе «Прибавления»).

Несколько горицких насельниц жили в Череповце, иные попали в Белозерск. При Успенском Белозерском храме трудились мать Алевтина и мантийная монахиня мать Магдалина, последняя работала уборщицей.

Родилась Александра Адриановна в 1893 г. в деревне Малаховской Кадниковского уезда Вологодской губернии, в благочестивой и богобоязненной крестьянской семье. Приходская церковь, с которой были связаны ее детство и юность, освящена во имя бессребреников Космы и Дамиана.

Пошли как-то старушки по монастырям, Александра попросилась с ними. Дойдут до деревни, рассказывала она, пойдут по домам хлеба просить. Что накладывают в подол, на всех делили — и пирогов, и картошки, и хлеба. На следующий,

1914 год троюродная сестра Мария предложила Александре пойти вдвоем по монастырям, с тем чтобы в каком-нибудь остаться. Слышали девушки, что в Вологодском Свято-Духовом монастыре принимали тех, кто давал вклады, бедных не брали, пошли в Горницы. В Горницах им предложили остаться, брали без вклада, но они не остались, а отправились в Ферапонтов монастырь. Беседовала с ними игуменья Серафима. Монастырь был бедный, своей земли не было, ее арендовали. Девушки остались. Александре шел 21-й год, Марии не исполнилось 20.

Когда принимала, игуменья сказала: — Запомни, Сашенька, только два слова можешь говорить — «простите» и «благословите».

— Больше я ни о чем не смела спрашивать, — ответила Александра на мою просьбу рассказать поподробнее о жизни монастыря и на сетование, что на важные для историка вопросы она ответить не может.

Приставили молодую послушницу к старице Алевтине в гостиницу, потом перевели на кухню. Послушницам доставалось и на огороде, и в поле. Сами кололи и пилили дрова, пахали тоже сами. Пекарня, где трудилась Александра, была вместе со столовой, в новом деревянном корпусе. Работали по четверо, менялись по очереди. Вставляли раньше всех в монастыре, а утром надо было на службу в церковь. Станут, бывало, на коленочки и дремлют. Сестры жалели, не будили.

Первое время, когда попала в пекарню, поселили Александру с одной старицей, а та прогнала ее из келлии, пришлось девушке спать прямо в пекарне, на плите. Ночью тараканы одолевали. От их укусов руки и лицо покрылись черными точечками. Увидела как-то игуменья ее руки, стала дознаваться, почему ко хлебу допустили больную, думала, что это болезнь. Вызвали к матушке Александру, та все рассказала. После того ее в другой келлии поселили и чистоту на кухне навели.

Вскоре наступил 1917 год. Началось то, что предсказывали святые и юродивые. Ходил такой и в Ферапонтов монастырь, прозорливый Ваня, носил все рваное. За 10 лет предсказывал, что все церкви и монастыри травой зарастут. Когда настали трудные времена, он продолжал в монастырь приходить. Его сестры покормят и просят, чтобы не рассказывал никому, а он тут же пойдет и расскажет, чем его кормили.

Когда расстреляли игуменню Серафиму, сестры растерялись: что будет с монастырем? Кто станет игуменней в такое тревожное время? Год жили без игуменни, за старшую поставили писмоводительницу Александру Самойлову. Вместо игуменни начальником над монахинями власти назначили парня из Ферапонтова — Нифонта Акимова. Он не притеснял сестер, разрешал мо-

Александра Арлакова, бывшая послушница Ферапонтова монастыря. Фото 1990 г., Белозерск

лится, а через год сам ушел. Сказал, что нечего ему тут монашек сторожить, они ничего худого не делают. Потом игуменней стала матушка Мартина. Через 10 лет всех изгнали. Пошли сестры кто куда. Те, кто были из ближних деревень, вернулись домой, иные уехали подальше, одна или две послушницы вышли замуж, в том числе Мария Березина, пожалевшая четверых сирот, оставшихся без матери в семье Ферапонта Смирнова. Часть монахинь отправились в Среднюю Азию, оттуда слали посылки матушке Мартинiane, жившей тогда в Кириллове на квартире.

Александра Арлакова оставалась в Ферапонтове еще некоторое время после закрытия монастыря. Когда сгорел келейный корпус, в котором она жила, пришлось совсем уходить. Потом председатель сельсовета Михаил Замараев тайно ее предупредил, что, если она не уедет куда-нибудь, ее, как монашку, замучают на лесоразработках, «лишат голоса», посоветовал уехать в Петрозаводск. С оказией, незаметно Александра отправилась в октябре 1929 г. в Карелию. Там пришлось пойти сначала в прислуги к командиру НКВД в Петрозаводске А. А. Югину, потом работала в совхозе, на лесопильном заводе, наконец, санитаркой в психиатрической больнице. Душевнобольных не боялась, успокаивала как могла.

Во время Финской войны комиссия признала у нее заболевание головы и она вернулась в Фе-

рапонтово. Кормилась огородными работами по деревням, пряла лен, ходила в пастухах, работала в медпункте, в цыпинской школе. Но здесь ее ожидала большая скорбь, которая чуть не лишила ее сестрой жизни. Время было голодное, и, чтобы иметь себе дополнительный паек, заведующая школой уволила Александру, сказав, что сама будет делать ее работу.

Для Александры начался настоящий голод, она совсем ослабела. Ели лебеду, мусор из-под зерна. Однажды, встретив ее бредущей, заведующая насмешливо спросила:

— Чем же ты питаешься? Святым Духом?

— Святым Духом, — ответила Александра. Та предложила свою юбку, но послушница не взяла, сказав — юбку не станешь есть.

Тогда с Александрой жила в Цыпине ее младшая сестра Наталья, крестница. Сестры так голодали, что Наталья решилась на отчаянный шаг: взяла что-то с поля — то ли колоски, то ли овощи. Заметив, заведующая¹⁸ послала дежурить ночью дочь-пионерку, чтобы та,

заметив вора, сорвала с него вещь, по которой его признали бы. Дочка сорвала с головы Натальи платок. Наталья и не отпиралась. Ее засудили на восемь лет тюрьмы и увезли.

Александра осталась одна, от голода опухла, стала умирать. И вспомнила, что хоть ее и уволили, но какие-то деньги еще в РОНО должны были дать. Чтобы получить остатки недоплаченных денег, надо было идти пешком в Кириллов. А это 18 километров... И она поползла... Не помнит, как добралась до Кириллова, но деньги получила. Выжила.

Поведала она этот случай только потому, что спохватилась, почему не молится за ту женщину. Хоть та и обрекла сестер на голодную смерть, но давно уж сама умерла, а Александра спустя полвека вспомнила, что не молится о ее упокоении — а ведь надо молиться за своих обидчиков.

— Так уж Богу, видно, угодно, чтобы я умирала с голоду, да не умерла. В детстве было предсказано матери, что буду умирать 50 лет, а если не умру, век будет долгим.

Перебралась она в Белозерск. Жила в крайней нужде. Работала на чужих огородах за тарелку

си прощения». Но она не послушалась, а выговор батюшки расценила как еще одну неправоту верующего человека — теперь уже пастыря. Сами сестры давно простили своих обидчиков — покаяться нужно было самой учительнице.

супа, чистила туалеты. Когда открыли церковь, стала петь на клиросе, потом благословили быть псаломщицей. Платили в церкви непостоянно, первый год совсем не платили. Пенсию она не получала, ее 50-летний стаж пропал, младшие сестры сожгли трудовую книжку, считая это бесовским изобретением. Получала пособие по старости — 27 рублей. Из своих грошей Александра часть относилась в церковь, а часть раздавала милостыней, находя кого-то еще беднее себя.

С возвращением Натальи из тюрьмы удалось за небольшую сумму купить в долг на троих маленький домик. Третьей была больная женщина, которая внесла большую часть суммы, чтобы сестры «доводились» с ней до смерти. Они ухаживали за больной до ее смерти и еще не одну старушку потом выхаживали в своем домике, ставшем приютом для многих бездомных и богомольцев. Всех кормили чем могли, всем давали ночлег, уход и доброе слово.

Познакомил меня с сестрами Арлаковыми белозерский звонарь Андрей Онегин. Он жил тогда у сестер потому, что больше его никто у себя не принимал. Был он очень молод, честен и горяч. То есть говорил всегда и всем правду, невзирая на лица и должности. Поэтому недолго он пробыл в Белозерске. Андрей вырос в детском доме, уверовал в Бога, стал собирать колокола для белозерской церкви. Его начали преследовать, несколько раз по вызову инструктора райкома арестовывала милиция, там у него отбирали старинные книги, которые ему давали бабушки. Потом его вызвали как-то в Вологду и по требованию уполномоченного по делам религии уволили. Однако колокола Андрей успел собрать и звонил самозабвенно. Радостнее этого ничего для него не было. Его никто не учил звону, от рождения он был чрезвычайно музыкален. Пытался сам освоить звоны, на чем только ни пробовал.

Помогла послушница Александра, она хорошо помнила, как звонили в Ферапонтове, сама звонила на Пасху. Объяснила, как в какой колокол ударять. Еще она умела передавать языком звоны, при этом показывая руками и ногами, как это делать. Андрей склеил из картона колокольню, подвесил бумажные колокола и учился. А над своей раскладушкой в углу развесил малые колокольца и звонил, как в монастыре, к трапезе и молитве. Арлаковы очень жалели Андрея Онегина, утешали как могли и терпели его горячность. Когда он прощался, уезжая, благословили его иконкой Кирилла Новоезерского.

¹⁸ *Имени ее не называю, живы дети, в том числе и та дочь, которая участвовала в суде над Натальей. Однажды она сама, уже пожилая учительница, рассказала историю об этой краже, но только как пример того, что и среди верующих есть нечестные люди — воры. Рассказала при настоятеле только открывшейся в Ферапонтове церкви — иеромонахе Арсений. Отец Арсений, близко знавший сестер Арлаковых и почитавших их как стариц еще по Белозерску, где служил несколько лет до того, совершенно неожиданно для рассказчицы стал ее обличать: «Как же ты могла так поступить! Ведь люди с голоду умирали по вине твоей матери. Пока старицы живы, поезжай в Белозерск, упади им в ноги и про-*

Их домик напоминал Марфо-Мариинскую обитель, где Натальюшка была Марфой-хозяйкой — чистота и уют были ее заботой, Александра же была Марией, почти все время молилась, особенно по ночам. Молитвенность ее поражала. Ночью, когда бы ни проснулся, она все поклончики бьет — это в 90 лет! Или стоит на коленях с воздетыми руками, пока никто не видит. Но разве укроешься в маленьком доме?

До 95 лет пела на клиросе, и, хотя голос становился хриловатым, никогда не фальшивила и крепко держала тон. Тогда петь красиво в белозерской церкви было некому: молодых не было. Бабушки тянули как умели. Александра с Натальей пели на два голоса. Придут, бывало, из церкви, попьют чайку и опять поют то, что на службе только что пели. Казалось, и усталости не знали. Не отдыхали после службы, а любили вести духовные беседы. Почти всегда в доме кто-то был, заходя попить чаю перед дорогой в дальние деревни.

Александра только в последние годы стала присаживаться во время службы, и то просила за это прощения у священника. Но на чтении Евангелия неизменно стояла, как бы ни была немощна. Иногда не могла дойти после службы домой, оставалась в сторожке или брела часами, отдыхая подолгу на чем-нибудь пороге или дровах.

Более всего отличали Александру в отношениях с людьми ее благожелательность и любовь ко всякому человеку без разбора. И епископ, и пришедшая цыганка находили в ее доме уют и душевную пользу. Если в доме оставались на ночлег, то после всенощной, ночью, когда все спали, она готовила на завтра нехитрую трапезу, чтобы, придя из храма после службы, было чем гостей угостить. Это были необычайной простоты и вкуса уха из сушки или похлебка, приготовленная в русской печи, еще налетушки, или круглянки, — принятые на Севере пироги с кашей или картофелем. Как то я спросила:

— Александра, почему у вас так все вкусно? Я то же самое кладу в суп, а так не получается.

— С молитвой надо готовить. И святой водой все окроплять, — ответила она.

И еще: с любовью к людям — такой, какая была у Александры, — добавлю я теперь. Щедрость была во всем. Для людей ничего не было жалко. Все, что было в доме, выставлялось на стол. После смерти Натальи Александра спешно начала раздавать все вещи, принадлежавшие покойной. Говорила, что грех держать их до сорокового дня, надо, чтобы с первого же дня молились об усопшей. Своих вещей у нее не было. Все именные — несколько книг, иконы в углу, большей частью бумажные, да сундучок с разной ветошью для обихода — кусочки тряпочек, завязочки и несколько одежды, отданных ей впомянут после кого-нибудь.

Их она тоже спешно раздавала. Даже домик ей не принадлежал — записан был на сестру.

Домик этот, в котором жили сестры, врос в землю, покосился, и было непонятно, на чем держалась крыша, вся в дырах. Но удивительно покойно в нем было и радостно. Сколько житейских волн разбивалось об этот милый сердцу домик. Время здесь буквально останавливалось.

— Мы ведь еще николаевские, — сказала как-то Наталья Адриановна. Только спустя время я осознала смысл сказанного: это значило быть современниками еще «той» эпохи, времени государя императора Николая Александровича! А после этого оказаться уже нашими современниками и не заблудиться в наступившем хаосе! Поражало отношение сестер ко всему происходящему в мире, оно было очень здравым и мудрым — ни возмущения, ни стенания. Все так и должно быть: исполняется предсказанное, надо больше молиться и каяться в своих грехах.

Когда Александре исполнилось 100 лет, отдел социального обеспечения подарил ей машину дров. Это был очень нужный подарок, но было что-то в этом и забавное: дрова-то были неколотые. До Феропонтова из Белозерска Александра ходила пешком до 85 лет — навещала духовную родину. Дойдет до Шексны, переночует у переправы в чем-нибудь доме сидя, утром на первом пароме пересечет Шексну и опять пешком, всего — 60 километров.

Дожила до открытия в монастыре прихода, молилась со слезами в действующем храме. После службы поправила псаломщицу: «Почему не поете тропарь преподобному Мартиниану? Здесь его мощи лежат, он хозяин монастыря, надо петь». Открытия монастыря не дождалась.

О том, какие духовные дары стяжала послушница Александра, можно только догадываться, но примеры ее прозорливости видели многие, кто знал ее близко. Говорила она всегда мягко, но прямо. Когда обличала, обидно не было. Как-то так скажет, что на душе и царапины не останется. А говор ее слушать было упитительно. Речь грамотная, образная, совсем непохожа на современную — еще николаевская речь. Очень простой и мудрый язык. Неисчерпаемым его источником было Евангелие, которым жила Александра.

Ровно век прожила Александра и умерла мученически, в пожаре. В том 1994 году были сильные морозы. Соседка, которая ухаживала за ней, сильно топила, но дом не держал тепла. Александра очень мерзла и часто сидела прислонясь к маленькой печке-столбнянке. Кирпичи раскалялись, а на ней было ветхое пальтецо. Когда соседи увидели дым, пожар успели загасить, но Александру нашли лежащей под столом — то ли задохнулась, то ли испугалась.

Отец Валентин Парамонов в Белозерске у сестер Арлаковых. Фото около 1995 г.

За две недели до происшедшего я навестила ее. Она прощалась с грустью, благословила на дорогу. Уже несколько лет она прощалась так, как в последний раз, — годы немалые. И вызывали меня не раз к ней, умирающей, но все как-то обходилось. Бывало, из крайних состояний она выходила. Как бы ни недомогала, а не жалела себя, не залеживалась и вставала на молитву и труды. На этот раз телеграмма была о необратимом.

К смерти Александра готовилась всю жизнь, часто исповедовалась, причащалась, на исповеди всегда плакала, сокрушаясь о содеянном грехе. Смерть не раз приходила за Александрой, но по-

том отступала, что-то держало ее на земле до времени. Во время похорон Натальи, в церкви, где сестры столько лет верой и правдой служили Богу, Александра сильно плакала. Когда ее стали утешать, сказала:

— Не унимайте меня, я от радости плачу. Так все складно устроилось: и отпевают в церкви, и гроб нашелся, и все по христиански. Где бы мне одной все это управить? Я Бога благодарю за все.

На кладбище подошла к ней соседка:

— Не беспокойся, баба Александра, умрешь, мы и тебя похороним как положено.

— Я об этом не беспокоюсь, всяко не оставите лежать тело — закопаете. Это все телесное, надо о духовном заботиться. А я — грешница, вот о чем мне надо думать.

Жизненный крест — это не разовый подвиг. Каждому возрасту полагаются свои испытания, а вековая старость — труднейшее испытание веры. У Александры вера была сильнейшим из всех свойств ее души. Жизненный крест, который она несла, был большой, тяжелый. Девочкой приснился ей сон: стоит перед ней чугунный крест и она пытается его сдвинуть. «Тятя, помоги, — обращается к отцу, — мне его не поднять». «И поднимешь, и понесешь», — ответил отец. И действительно, понесла по жизни Александра свой чугунный крест — с помощью Божией.

Прозорливыцы белозерские

В эту главу включены отдельные воспоминания и отрывочные сведения о прозорливых белозерских; содержат они в основном случаи обращения по житейским делам и случаи исцелений. Рассказы, к сожалению, мало сохранили памяти об обращениях за духовными советами или о подвигах горицких старцев. При публикации сохранен авторский стиль.

Архимандрит Иоанн Новоезерский (Николай Новинский) великий старец был, молитвенник, прозорливец. Он пришел из монастыря Кирилла Новоезерского в Нило-Сорскую пустынь. Однажды во время литургии ему явилась Божия Матерь. Было это перед самым закрытием пустыни. Как он плакал тогда!

Он знал все мысли приходящих. Помню, как пришел к нему после двухмесячной болезни, еле добрался до монастыря, ходил согнувшись. После исповеди у о. Иоанна исцелился от болезни, будто ее и не было.

Когда монастырь закрыли, он жил здесь же. К нему много народу ходило. Он никогда денег не брал и всех, кто приходил к нему и за кого просили помолиться, записывал в синодик — такие толстые тетради были у него — и все каждый день прочитывал. Потом он ослеп от этого, но продолжал принимать людей. Даже слепым знал, кто к нему приходил, называл всех по именам. Очень скорбел, что не может поминать всех по своей тетради, и говорил, что надо молиться за весь мир. Еще го-

ворил, что священникам нужно исповедовать каждого, после общей исповеди могли разрешать грехи только такие великие угодники Божии, как о. Иоанн Кронштадтский, а нам, грешным, обязательно нужно принимать исповедь у каждого.

(Рассказ Александра Грошева, запись А. Трофимова 1980-х годов.)¹⁹

¹⁹ *Выражаю признательность составительнице записей рассказов А. Грошева Александру Трофимову за предоставленный материал.*

Батюшка Иоанн уже слепой был. Приехал в Горницы. К нему пошла учительница Александра Петровна, она мне и рассказывала. С ней была девочка 10 лет, из нашей деревни. Как ходила в церковь в черненьком платьице и в черненьком платочке, так и к старцу вошла. Старец с учитель-

ницей не говорил, а когда под благословение подошли, он захватил голову девочки и говорит: «Деточка, какая ты хорошая, какая ты чистая, какая ты будешь плохая! Как мне тебя жалко». А о. Иннокентий²⁰ говорил потом, что молится за девочку: раз о. Иоанн так сказал, что будет что-то с ней страшное.

²⁰ *Игумен Иннокентий, в миру Иван Калинин, из Нило-Сорской пустыни.*

Вот так он сидел и приговаривал: «Сбросишь ты черное платьице, сбросишь ты черный платочек. Какая ты сейчас хорошая, какая ты будешь плохая!»

Началась война. Приехали эвакуированные из Ленинграда, поступила она работать в райпотребсоюз. У кладовщицы, где я жила, она молоко брала от коровы. Как-то нет ее и нет, пришлось мне молоко нести — посуды-то тогда мало было, кринок не остается. Прихожу, а они с ленинградскими подружками вино пьют. А в то время был позор, чтобы кто-то из девчонок выпивал.

Через день она приходит ко мне: «Сходим к мать Калерии». Хозяйка меня отпустила. Заходим в дом, а мать Калерия и говорит: «Какая ты хорошая, какая ты хорошая! У меня тоже была такая девушка хорошая, а рехнулась да добровольцем в армию ушла». Оказывается, у нее уже заявление в кармане лежало — добровольцем в армию идти, так матушка все знала.

Но все равно, не сейчас, а позднее она ушла в армию добровольцем, а так как работала она на складе под Мурманском на аэродроме, где вино летчикам давали, но не все пили, вино оставалось, она и стала попивать и потом спилась.

О Новоезерском монастыре (около 1926 г.). Запустение было страшное, в корпусах лес лежал, лесорубами свезенный. Лошади стояли в нижних этажах корпусов, навозу накоплено не за один год. Мост на остров разобран — истопили в печах, одни сваи стоят. К острову надо на лодке подплывать. В монастыре было еще семь монахов-старичков. На праздник преподобного Ки-

рилла Новоезерского собралось 14 священников, несколько диаконов, служба была очень торжественная, а батюшки Иоанна уже и в храме не было. Он слепой уже был. Мы к нему под благословение в келлию приходили. Мне было тогда лет 14.

(Рассказ Евгении Васильевны Тихоновой, 1912 г. рождения, родом из деревни Остолопово Кирилловского уезда, запись 1995 г., г. Звенигород.)

Епископ Кирилловский Тихон (Тихомиров). Наша деревня — Соровского прихода, в трех километрах от Сорова. Когда расстреляли епископа Варсонофия, прислали епископа Тихона, а через полгода или через несколько месяцев закрыли монастырь Кирилло-Белозерского, он — в Нило-Сорскую пустынь, потом и ее закрыли. Куда ехать? Из Нило-Сорской пустыни архимандрит Илларион говорит: «Владыко святой, куда мы будем ехать? Поедем в Сорово, там все-таки наш батюшка служит, который здесь в монастыре жил (Игумен Иннокентий (Калинин). — Е. С.). Они переехали в Сорово и семи лет там были.

Девочками мы ходили к владыке. Сейчас все иподиаконы, а тогда мы облачали и с посохом стояли. Шестеро нас было, одна ушла в мир. С нашей деревни четыре девочки ходили. Мне было семь с половиной лет, когда я первый раз с посохом стояла. Мы по очереди помогали, ходили везде, где владыка служил, и в Ферапонтов монастырь, и в Новоезерский. Владыка Тихон наставлял, чтобы одинокие были, в чистоте. Когда читал ежедневно акафист святителю Николаю, на 5-м икосе он особую молитву ввел, за всех девиц, каких знал...

Девушкой позвали меня в няньки, я ехать не хочу, а мама отправляет — от лесозаготовок. Пришла я к владыке за советом. Было это в 1932 г.

— Кто тебя обидел?

— Все обидели.

— Что случилось? — Сидит, слушает. — А в лесу-то еще не была? Ты знаешь, что такое 200 кубометров на человека? Надо успеть норму выполнить. Хлеба и картошки на неделю несешь из дома. Придешь из лесу, картошку стьюлую сварить в котле. Обсушиться негде. Истопочки в лесу — избушки с маленькой печечкой. Кто посмелее, тот подсушится. А ты, говорит, никогда не высушишь. (Я несмелая была.) И не обижайся, а я скажу: надо ехать в Москву. А чего слушаешься в лесу, молодежь друг перед дружкой что только не творят.

Когда владыка работал в лесу, простудил ноги. Как переехал в Нило-Сорскую пустынь, его сразу на лесозаготовки послали. А до того сроду топора в руках не держал. Каково ему было в лесу-то? Отслужит праздник — и в лес, за пустынь. Бывало, в НКВД через день-два вызывали. Зима, в кало-

шах — никакая обувь не лезла, больные ноги были. Тогда у владыки после того началась водянка.

Комнатка у него в Ярославле была крошечная, в ней помещались койка, ящики с книгами и столик. Между столиком и койкой можно было только боком ходить. Жил он без всякой копейки, и за комнату еще надо было платить. Ему старались собрать, кто ехал, что могли: грибы сушили, щавель, клюкву собирали.

Когда жила в Москве, не знала, как окормляться, кругом такое творилось, и со священством тоже, в храмах обновленцы, не знаешь, в какой храм ходить. Такая скорбь была. И вдруг я вижу сон: я в лавре преподобного Сергия и стоит очередь прямо с улицы на благословение. И я стою. Подхожу — владыка Тихон. Благословляет и говорит: «Как жила, так и живи». Я и не стала больше духовника искать, успокоилась. Владыка и при жизни много раз говорил, что трудно духовного отца найти. Наставлял, чтобы жили в чистоте.

(Из рассказа Евгении Васильевны Тихоновой, запись 1995 г., г. Звенигород.)

Игумен Иннокентий (Калинин), настоятель Нило-Сорской пустыни, после ее закрытия служил в Сорове. Его арестовали в 1937 г., умер он в Белозерской тюрьме. Гоняли на допросы постоянно из Белозерска в Кириллов, зимой. Туда да обратно надо было ходить, а он слабенький. Многие ходили из нашей деревни за ним. Последний раз его привезли, лицо только чуть-чуть видно, шарфом весь опутанный. Его везут на лошади, а народ за ним идет. Его все уважали, так уважали!

Стал на первую ступеньку у нарсуда, повернулся ко всем, а сопровождающий:

— Гражданин Калинин, поворачивайся, туда иди.

И все это сделал председатель сельсовета, который нас всех ненавидел. Как идем в церковь через Зажабье, всяких насмешек наговорят, чего не услышишь. Мы старались летом по лугам да на лесам ходить, чтобы никто не попадался. Предатель Быков с Суслы взял насыпал серебра старинного в прорубь, пошел в милицию и заявил, что Калинин, где воду берет, высыпал серебро. Никакой вины-то не было. Его арестовали. Уж так его допросами замучали.

Вызвали на допрос старосту:

— Медведев, Калинин вас агитировал против колхозов?

Староста говорит:

— Я не слышал, чтобы он агитировал.

Отец Иннокентий говорит:

— Ну что вы, вспомните, я же говорил против колхозов, — он уже устал от допросов, сказал, чтобы не возили больше.

Вот его привезли с допроса опять в тюрьму. Была в тот день баня. Он пришел из бани, простонал и скончался. Вот мученик!

Когда разоряли все монастыри, в Нило-Сорской еще оставалось семь человек: архимандрит Иларион, схимонах Илия, игумен Серафим, архидиакон Лазарь, диакон Арсений, монах Дорофей и монах Платон, старенький-престаренький, — все мученики.

(Рассказ Е. В. Тихоновой, запись 1995 г., Звенигород.)

Монахиня Нектария. Была в Леушинском монастыре блаженная монахиня Нектария, прозорливая старица. Ездили к ней архиереи, беседовали, спрашивали совета, особенно когда настало трудное время для Церкви. Приехал и я однажды поговеть в Леушино, исповедался, причастился, после чего духовник монастыря позвал к себе чай пить. После беседы сказал: «Сходи обязательно к матушке Нектарии. Она не всех принимает, но тебя, думаю, пригласит».

Зашел к ней, матушка приняла, полтора часа беседовали. Мать Нектария была из дворянок, из богатой семьи, очень образованная. Когда зашел в ее келью, кровати не увидел — спала на досках, на полу, сидя. Подремлет, прислонившись к стене, и снова молится. К ней много народа ездило, особенно в 20-х годах. Мне она многие забытые грехи сказала. Помнится, говорит: «Думаешь, это не грех, а это большо-о-ой грех». И говорит, как все было. Потом сказала, как буду жить, где, какие большие скорби ожидают.

Рассказала, как была восхищена во сне на небо. Там увидела усопших младенцев. Они играют в вечных, кругом цветы, птицы летают, такое чудесное пение, красота неопишуемая. Видела прекрасные храмы, в которых служили священники в митрах. Иных узнавала, среди них были те, которые еще были живы. Некоторые священники стояли у дверей. Она спросила, почему не входят в церковь, ответили, что служили нерадиво на Земле, потому здесь не могут войти внутрь. Еще говорила, что те, кто ухаживают за больными и престарелыми, очень счастливы там, им уготована великая награда от Господа — она видела их селения.

(Воспоминания А. Грошева, запись А. Трофимова 1976 г., Кириллов.)

Архимандрит Иосиф, в миру Афанасий Чернышов, бывший послушником Нило-Сорской пустыни, после закрытия ее был взят в армию. Служил в Ленинграде. Когда отслужил, остался работать, собрался жениться. Его сестра, монахиня Никодима, жившая в Леушинском монастыре, пошла к матушке Нектарии. По ее совету мать Никодима вызвала брата телеграммой. На второй день Афанасий

приехал в монастырь. Его встретила мать Нектария маленькими бумажными кулечками, в каждом что-то лежало. Протянула самый маленький, в нем насыпан был сахарный песок — «это будут сладкие дни»; побольше, с пшеном — «это мелкие слезки», еще больше, с горохом — «крупные слезы». Веле-ла не жениться, а на старый путь возвращаться.

В Череповце как раз диакон был нужен, а о. Ио-сиф был когда-то у о. Иннокентия за псаломщика. Поехал он в Ленинград, рассчитался на работе. В Череповце рукоположился во диакона, немного по-служил, забрали его в тюрьму, через три года вы-пустили. Он вернулся, рукоположился во иереи, его снова забрали, уже на десять лет — в Уфу. По-сле заключения был еще на вольном поселении три года в Белорецке. Настало послабление, устроился служить. Ремонтировал в Белорецке храм, переве-ли в Уфу, там и скончался после 1956 г.

Каждый год приезжал в Москву на праздник преподобного Сергия, заезжал и ко мне. Сам мне все рассказывал.

*(Рассказ Е. В. Тихоновой,
запись 1995 г., Звенигород.)*

Блаженная Марина. Была в Горицком монас-тыре блаженная Марина (инокиня. — Е. С.). Ее до сих пор многие помнят, она была прозорливой. Скольких утешала, наставляла, предостерегала. Потом приняла на себя подвиг юродства. Жила в кельи с восточной стороны монастыря. В кельи стояли стол, лавка, висели иконы — и больше ни-чего. Спала на полу, на соломе. Ночами молилась.

Пришли как-то в конце зимы люди в вален-ках. Она спрашивает:

— Как море-то перешли?

— Какое море, матушка, ведь мороз?

Остались ночевать в монастыре. На следую-щий день оттепель, пришлось в валенках идти по воде, вспомнились слова матушки.

Предсказывала закрытие монастырей, храмов: «Вот Марину-то заберут, а церкви закроют». Од-нажды вошла в храм во время службы в одной ру-башке до пят — потом в этом храме было общежи-тие, стояли ряды коек. В другой раз вошла в собор (Троицкий. — Е. С.), опрокинула скамейки и стала плясать и петь — после закрытия монас-тыря в нем был клуб, танцевали и пели. Служивше-му о. Василию сказала громко на хорах: «Васень-ка, что ты все говоришь, скоро перестанешь».

В Троицком соборе и в настоящее время нахо-дится клуб. Место, где почивают мощи основа-тельница монастыря Евфросинии Старицкой и подвижницы игумении Маврикий, до сих пор под-вергаются глумлению.

Однажды зашел я к ней в келью, она говорит: «Марину-дуру заберут, священников заберут, церкви закроют. Ой, лошадь ногу сломала». Ког-

Игумен Иосиф (Чернышов), бывший на-сельник Нило-Сорской пустыни, с сестрой — монахиней Леушинского монастыря Никодимой. Фото 1956 г.

да приехали ее забирать, лошадь ногу сломала. Поселилась она в деревне, недалеко от Кирилло-ва. Жила в подвале. Длинный такой коридор, в конце — ее комнатка. У нее было восемь кошек. В деревню к ней многие приходили.

Пришел и я к ней, она шубу надела наизнанку и говорит: «Ой, больно, ой как болит, сил нет!» А мне смешно. Она опять: «Ой, болит, не могу хо-дить согнувшись». Весной я на пахоте налегал со всей силы на плуг, ходил весь день согнувшись — так заболел, что слег на два месяца, стонал согну-вшись. После болезни пошел к матушке, а она го-ворит: «Говорила Марина тебе: не ходи согну-вшись, а ты не послушался». Собрался как-то в поездку, матушка говорит: «Смотри, осторожнее, а то руки отморозишь». И действительно, отморо-зил, столько лет потом мучился.

Одна женщина, придя, только успела подумать: «Говорят, матушка подвижница, а почему такая толстая?» Матушка — вдруг и говорит: «Почему толстая, почему толстая? Шуба у меня под манти-ей — вот и толстая». Другой женщине, хотевшей ей привезти овощей, сказала: «Ничего не вези, мне бабы навезут, а тебе самой пригодится». И точ-

но — увеличили налог, почти все пришлось отдать, еле дожили до лета. Мужчине, привезшему картошку, сказала: «Пули будут свистеть, смотри, осторожно, кланяйся, а то убить может». Его убили на фронте.

Женщина хотела дать матушке два рубля, а, когда пришла, дала один рубль, матушка спросила: «Ты же хотела два рубля дать?»

Пришла семья: «Большая у нас девочка, не ходит, работать не может, а нам ухаживать за ней надо, хоть бы Господь взял ее, что мучиться-то?» Матушка говорит: «Если она умрет, вся семья под откос пойдет». Следом за смертью девочки почти все погибли.

Молодой девушке сказала, как бы обращаясь к другим: «Такая хорошая девка, да замуж вышла, а за кого? Все кха-кха, кашляет и кашляет. А дети-то сиротами останутся. Что делать? По миру идти? Ничего, проживете». Девушка и замуж не собиралась и не поняла, что это ей сказано. Так и ушла, не переспросив. Вышла потом замуж, у мужа легкие были больные, все кашлял, много болел и умер, оставив двух сирот.

Заболела матушка, 60 дней не вкушала пищи, только святую воду пила. Как-то во время болезни крикнула: «Мать Асенефа, иди ко мне», та на следующий день приехала, а жила за 40 километров. Попрощались. После кончины матушки одна монахиня взялась читать 40 дней канон об усопшей. Один день пропустила. Матушка явилась ей во сне: «Что же ты сегодня не прочитала канон?» Лет через 10 переносили кладбище, откопали ее гроб. Когда открыли, тело было нетленным. Перепугались и зарыли в том же месте.

(Воспоминания А. Грошева, запись А. Трофимова, 1976 г.)

Мать Марина доживала в Никольском Торжке у Надежды просфорницы. Если у кого чего попросит, жди, с тебя власть что-то взыщет. А так — ей ничего не навалишь, ничего не брала. Свекровка рассказывала, как то пришла она к матушке с женщинами. Мать Марина взяла деревянную кринку и давай болтать ложкой, приговаривая: «Три года киснет в кринке». Свекровка ничего не поняла, а видит, что ей сказано. Дома спохватилась, что три года детей не причащала. На ближайшую же службу повела детей в церковь.

(Рассказ Т. И. Обленовой.)

Мать Сергия была прозорливой монахиней. В детстве я у нее часто бывала — мама посылала с гостинцами, но боялась ее, думала — она больная. Многих она обличала. Идет по паперти и вдруг скажет: «Тебе незачем было в церковь приходить, иди домой».

Владыка Тихон уже жил в Ярославле, мы каждый год ездили к нему, перед тем заходили к матушке. Она тоже посылала владыке что собирает.

Однажды были у нее мы с Лукиней, с которой девочками у владыки Тихона с посохом стояли, матушка говорит: «Ох и гроза будет! Думаешь, гром загремит? Война будет! А ты будешь ходить по лодыжку в крови», — сказала Лукин. Это было перед войной. В войну та попала в блокаду, столько горя видела и перенесла, так и было по словам матушки.

Когда мы приезжали из Москвы, всегда к ней приходили. Как то заходим, а она говорит: «На мою на могилку никто не придет, только ранней порой соловей пропоет». А жила она у двух девушек пожилых, они в монастыре не жили, но вели монашескую жизнь. Хозяйка-то и говорит мне: «Вот, Женя, как матушка нас обижает — как это мы не будем на могилку ходить?» А матушка уж предвидела. Мы были в августе, уехали. После святителя Николая, зимой, в ближайшие за праздником дни, она умерла, похоронили с северной стороны алтаря церкви Введенского кладбища — на монастырском уже не разрешали хоронить. Великим постом или на Масленой неделе взорвали храм²¹, уже не найти могилки. Когда мы приехали, сколько не

²¹ Разрушен уро
вень второго
света. Ныне
храм восстанав-
ливается.

перебирали камней, не могли найти. Вспомнили слова матушки. А еще про Горицы матушка говорила: «Снова соберемся».

Мать Сергия умерла до того, как всех увозили. В 1932 г. монастырь еще действовал. Сестры работали за квартиры в совхозе, т. е. за жильем в келлиях. Я жила тогда уже в Москве, в няньках, без меня увозили. Матушки жили кто где: в Кириллове, по деревням, но адреса-то их всех знали. Ночью приезжали, забирали всех в баржу и увозили. Ни от кого вестей не было. А жила я в Москве у хозяйина — он когда-то работал в НКВД в Кириллове, потом в Москве. Перед войной, в 1939 г., его назначают в Якутию наркомом, и он, когда стал уезжать, говорит мне: «Ну, передавай всем привет». Я говорю: «Кому я туда передам привет? У меня там никого нет». Он говорит: «Ваши все там». Это монашки все там, в Якутии. Ну, половину их по дороге, наверное, погубили. Никто не писал.

(Воспоминания Е. В. Тихоновой, запись 1995 г., Звенигород.)

Блаженная Калерия. Матушку Калерию я знала, еще когда была девочкой. Их было три сестры: мать Георгия, мать Иоанна и послушница Калерия, их мать тоже была в монастыре после смерти мужа. Мать Георгия часто к нам в Сорво ходила петь, а когда мы в Горицкий монастырь приходили, она нас обязательно к себе в келлию заберет: «Пойдемте, я ваши голоса проверю», и

чаем угощает. Мать Калерия с ней в келлии жила, но со всеми за стол не садилась, иногда придет, чашечку себе нальет и уйдет куда-то, в уголок спрячется или на печку. Русская печка выходила в комнату.

Как-то она вышла в комнату и говорит: «Война-то, война-то, всех перебьют». Мы испугались, а мать Георгия говорит: «Девочки, вы не пугайтесь, она больная» — они скрывали, что матушка юродствовала. Потом мать Георгию забрали. Только мать Калерия чудом осталась до 1945 г., потом и ее забрали.

До самой войны я матушку Калерию и не видела. А в войну эвакуировались наши родственники из Ленинграда, у них в Горицах дом был, куда они переехали и там доживали. Я понесла им рыбки — отец рыбак был, всех кормил. И вот Господь вразумил, чтобы мать Калерия меня встретила. Я ее сразу узнала, а она обхватила меня: «Дорогая ты моя, сколько мы с тобой времени не виделись, пойдем ко мне». Сначала я не хотела идти, торопилась, но послушаться не смела. Посидели на крыльце, жаркий день был. Она говорит: «Трупы будут валяться как навоз» — о войне. Это был первый год войны, в то время страшно было такое говорить.

Я заторопилась уходить. Отнесла рыбы, дошла до повертки — нет, думаю, надо матушку послушать. И пошла к ней. Поговорили, стала уходить, она говорит: «Пойдем, распятию положим три поклончика, чтобы тебя Господь от баржи избавил». Она положила, и я положила поклоны, потом благословила меня. А что за баржа — не пойму. Пришла домой, мама корову уже доит, как увидела меня, так и подоилник у нее покатился: «Берут что ли?» Я ничего не понимаю.

— Сейчас, — говорит, — вот срочно принесли повестку, чтобы завтра в 9 часов утра быть в Горицах. Будет баржа, всех повезут куда-то под Ленинград, на трудфронт.

Ночь я не спала. Утром — крик, рев, несколько девок наших (одиноких) повезли. Побежала я к мать Калерии. Как она меня увидела, как хлопнется на стул (такая полная была):

— Что ты наделала? Что ты наделала, ведь теперь тебя посадят! Будем молиться.

Пока я ходила, приходили из горсовета за мной. Мать говорит: «А ее нету, она ушла в деревню». Записали адрес. Пришли туда с обыском. Сделали обыск: думали — они меня прячут. Нарочный пошел в нашу деревню, но до сего времени так и не бывал. Вот какие сильные молитвы у матушки и как она все знала. А девушек наших так и не довели до Лодейного Поля, где-то началась бомбежка, была остановка, они все разбежались, все домой пришли. Но я, если бы попала в баржу, я бы не пришла домой, я бы побоялась убежать.

После баржи я говорю: «Мне тут нельзя оставаться, надо куда-то устраниваться, раз я одинокая, обязательно заберут». Пришли к матушке:

— Меня тут зовут жить к одним в няньки, трое есть маленьких, а четвертый должен родиться. Боюсь из-за маленького, что не справлюсь.

— Вот глупая, нашла кого бояться. — Надо взрослых бояться. А лишь бы Бог дал спокойная была.

Главное, сказала не «спокойный», а «спокойная».

И правда, девочка родилась. Такая спокойная, никто не слышал, как она плачет. Хозяйка работала кладовщиком, было до войны пять кладовщиков на складах, мужчин всех забрали, осталась она одна за всех. И семья у нее такая — четверо детей.

Пришла ко мне девушка, зовет: «Сходим к мать Калерии». Пришли от нее, а хозяйка плачет: «Вчера было письмо от мужа, а сегодня похоронная пришла. Не верю, сходи к мать Калерии». Пошла. Матушка открывает дверь, такая непокойная, такая и не была:

— Все брошу, все брошу, не буду ни за кого молиться, пусть все горят.

Когда зашла в дом, свое спрашиваю. Она только услышала, повернулась к иконам:

— Помяни, Господи, новопреставленного убиенного воина Иоанна. — Три поклона положила — больше и говорить нечего. Я пришла, так и сказала хозяйке.

Вскоре мне прислали вызов из Ярославля, от матушки Ермогены, надо было за владыкой Тихоном ухаживать. Это было в 1942 г. Я собралась, пошла к матери Калерии благословения просить.

— Не надо тебе ехать туда.

— Матушка, ведь это по благословению владыки Тихона.

— Ты с епископом Тихоном дохаживать не будешь, будешь дохаживать за Николаем.

— Матушка, а я никакого Николая и не знаю.

— Не знаешь, так узнаешь. Все-таки я не велю тебе ехать.

— Да как же, все-таки я дала согласие, они уже мне вызов послали.

— Ничего, Успенский пост недолгий. Съездишь, поговеешь, да и приедешь.

Уехала. После того на четвертый день ребята у хозяйки дом сожгли. На Толгскую я поехала на Толгу, причастилась, туда пришла телеграмма от моего отца: «Женя, ты знаешь одно горе, что у Нины мужа убило, а второе горе — ребята дом сожгли». Пришлось мне вернуться...

В 1945 г. мать Калерию забрали. На второй день Рождества пошла я к матушке, испекла пироги, кое-чего поговорили, а потом она и говорит:

— А в этом году какая радость-то у крещеных будет — две Пасхи. Воистину, воистину будет две Пасхи. А я-то и не доживу.

А матушка крепкая была, ей всего 65 лет было.

— Что вы, матушка, — говорю, — вы должны для всех нас жить.

На следующий день ее арестовали. На третьей неделе Великого поста она скончалась в белозерской тюрьме. Замучили ее там, с допросов не выпускали. Может, и били, кто их знает, а только все допытывались: «Как ты гадаешь?» Небось, и родственники их бывали у матушки, в войну столько народу к ней ходило.

— Вы поститесь, — она отвечала, — да молитесь, и вам Господь откроет. Гаданья я никакого не знаю. Я знаю только одного Бога.

Постепенно все слова ее сбывлись. И про Пасху. В тот год война кончилась — была вторая Пасха.

Мне матушка сказала: «Проси частичку за меня вынимать, частичку-то проси вынимать». А вот видишь, Бог привел, я 40 лет проработала в храме и в алтаре. Все просила батюшек вынимать частичку за матушку Калерию.

(Воспоминания Е. В. Тихоновой, запись 1995 г., Звенигород.)

Просфорница Анна. Анна Васильевна Блинова — была первой просфорницей после открытия Покровской церкви в 1943 г. Я жила у нее на квартире. Нищие ночевали у нее табунами. Ночевал как-то у нее странник: «Попомни, Анна Васильевна, речка эта пересохнет, а ваш Кириллов будет град великий». (Вода в канале убывает год от года.)

Анна Васильевна каждый день ставила второй чугунок со щами в печку — для нищих, а если их было много, то и свой отдавала. На Пасху испекла просфоры, а на четвертый день умерла. Нищие все рыдали: «Кто нас теперь кормить будет?» Два дня гроб стоял дома, один день в церкви — все дни благоухало просфорами и дома, и в церкви.

(Рассказ Анастасии Григорьевны Киришиной, алтарницы Покровской церкви, запись 1995 г.)

Сторожиха Екатерина Флегонтова и сестра ее Мария были родом из деревни Курикаево. Сестра потом уехала в Пюхтицкий монастырь, там ее постригли, стала мать Марина, умерла в 1967 г., вернувшись к Покрову.

Сестры были очень набожные, к ним старцы ходили, они на богомолье не раз отправлялись, и в Новоезерский монастырь к о. Иоанну, по разным святыням. У Покрова после войны Екатерина сторожем была. Говаривала: «Что теперь поны говорят: все худо жить, а у нас, бывало, придут старцы, да только духовное все говорят, поют, про Страшный суд, про смерть».

Странник Василий в ярославском доме престарелых. Фото 1952 г.

Взяли ее в войну на фронт окопы рыть в Калининскую область. Она потом рассказывала:

— Кругом снаряды летят, убивают, а я говорю: «Вот чего! Откроют Покровскую церковь (а сама только слышала про Покров, там не бывала), я пойду сторожихой, меня не убьют». Как начнется бомбежка, все бегут ко мне, хватают за одежду. Бежит однажды замполит: «Давайте ее сюда, ее не убьют». И действительно, кругом бомбежка, всех побили, а мы кучкой стоим. Замполит говорит: «Дать ей головку сахара и хлеба принести». Говорила в шутку, а вышло всерьез. Вернулась с фронта живая. Как только открыли церковь, сразу и пришла.

Отец Павел Никитин так ею дорожил, незаменимая была помощница. С о. Валентином Парамоновым перешучивались, оба были остры на язык. Она немного блажила. Отец Валентин как-то рассказывал:

Приходит как-то дама, гроб стоит на паперти. Встречает Екатерина.

— Миленькая, где тут сторожиха Екатерина? — спрашивает дама.

— Та — страшная, та и сторожиха, — отвечает Екатерина. — У нас тут хорошего народу нету на горушке: у нас поп шальной, старостиха дурная, Катерина страшная, Акулина — дурочка

старая. У нас тут нету хорошего народа. Будет ли у нас тут народ хороший жить? Хорошие люди коммунизму строят и в космос летают.

Эта женщина расхохоталась:

— Да что ты, миленькая, у меня муж на паперти в гробу лежит, а ты меня до смеха довела.

Отец Валентин как-то попросил:

— Екатерина, сшей мне наволочки.

— Сохрани меня, Господи, тебе наволочки шить. Ты шальной, не буду.

Через два дня приносит.

— Так ты же говорила: «Не буду тебе шить».

— Да уж и бабы похотали: Катька-дурочка попу наволочки сшила.

А какая она была помощница! Сколько потрудилась! Я ее все время поминую, много она мне добра сделала. С семерыми «доводилась», в том числе и с Акулиной, что церковь от разорения сберегла.

(Рассказ протоиерея Георгия Иванова, запись 1995 г., г. Вологда.)

Странник Василий странничал 20 лет — обет такой дал: ходить по церквам, нигде подолгу не оставаясь, только ночуя. Круг его странствий пролегал по Белозерью, захватывал и Ярославскую область. На Николу летнего всегда приходил в Кириллов, в Покровскую церковь. Матушки ему предлагали: «Оставайся с нами». — «Не могу, пока ножки ходят, надо идти». Как-то его долго не было, а потом получили из Ярославля письмо от Василия, что отказали у него ноги, и он пошел в инвалидный дом в Ярославле. Покровские собрали денег, кто сколько мог, послали ему. Он ответил, что много за все благодарен, написал, что, верно, больше уже не напишет. Вскоре послали еще письмо, но ответа уже не было. Умер странник Василий около 1952 г.

В бане он не мылся. Грудь была перевязана проволокой, которая вросла в тело. Предполагали, что он когда-то был священником.

(Рассказы Н. Н. Казнинова и А. Г. Киришиной, запись 1995 г.)

О помощи преподобных

Болела я тяжело. По больницам туда-сюда — не помогает. Пошла в монастырь. Преподобный Кирилл не поможет ли? Как вышла на пенсию, так каждый день в монастырь ходила, бежать-то некуда, торопиться не надо. Стала и в церковь Покровскую ходить, а раньше не ходила — ничего не понимала. А потом уж мне надо на каждую службу, никак не хочу пропустить. И вот как заболела тяжело, пойду, думаю, в монастырь, к преподобному. Ни с кем не буду разговаривать, а пройду по монастырю с молитвой.

Только захожу в первые ворота, над головой образ «Знамение», перекрестилась, вдруг как колпак тяжелый надела на голову — железный, холодный, и с меня сверху вниз как посыпалось что-то. Поползло-поползло, как петельку муравей вьет. А болела у меня тогда сильно голова. С этим и пришла. Думала, в Кувшиново (место под Вологдой, где находится психиатрическая лечебница) угадаю с головой-то своей. И вот как это случилось-то у ворот, так будто все новое стало, ничего не болит. Как только родилась. Как это произошло в какие-то две минуты? Но я тогда не сразу это и поняла, только будто все ссыпалось с меня и легко стало.

Гляжу, идет старичок, пожилой. А кто — не разглядеть, вижу худо. Думала сначала, что Саша Грошев²². Дорога только в середине разгребена, по бо-

²² Александр Грошев жил в одной из бывших монастырских

кам-то не разгребали тогда снег. Идет старичок, походка как у монаха. Он встал так, глядит на меня из-под руки, дорогу уступает,

келлий, несколько семей и ныне еще живут в мо

сам на середку отодвинулся. Я как иду, поравнялись: нет, не Грошев. Идем молча. Он на меня поглядывает, я на него поглядываю, ничего не толкуем. Он не прибавляет, тихо даже идет, все равно что дожидается меня.

Я говорю: «Раньше, говорят, скамеечки тут были по аллее зеленые?» Он говорит: «Да». Я говорю: «В праздники, говорят, и гуляние было?» — «Да», — говорит. Вот дошли до канавки. Это речка была. «Раньше, — говорю, — тут и лодки ходили?» — «Ходили и лодки. Я, — говорит, — тут жил». Я-то не спросила: где теперь-то живешь? Вот он отвернул в левые ворота, туда, на Ивановскую горку, не входя во Святые врата. А я-то в Святые врата пошла. Долго по монастырю ходила. И не видела старичка.

Пришла в Покров да рассказываю Марии Николаевне. А она мне:

— Не надо было отходить-то от него. Ты, кажется, самого преподобного видела и исцеление от него получила. Долго ли ты его видела? Не надо было отходить. Он и пошел на эту горку, где его землянка и часовенка.

Теперь я как иду мимо образа «Знамение» на Казанских воротах, всегда уже это все на память и придет. Более не видела. Только звон слышала²³.

²³ В Кирилло-Белозерском монастыре еще не восстановлены звоны.

Уже открыли в монастыре церковь преподобного Сергия Радонежского. На какую-то службу нам сказали, что приедет владыка

из Вологды. А тут гость ко мне приехал. Я печку быстро истопила, обед сварила, на стол выставила и пошла. Иду — тороплюсь, время около десяти. В это время как раз встреча владыки в церкви. Как зашла в монастырь — звон! Такой красивый, ну не хуже загорского. До чего громко звонят, хорошо-то. Видно, владыку-то и встречают. Как будто где-то у церкви Сергия Радонежского звон. Погляди-ка, думаю, и звон сделали к встрече владыки. Подошла: нет, никакого коврика нет, обедня идет. Владыка-то в тот раз и не приехал. А звон слышен был.

Исцелил меня однажды и преподобный Мартиниан. Заболел на ноге палец — обутки не надеть. Я к божнице, ничего не помогает. Поехала в Череповец. Лечат. Нет, болит у меня нога. Назначили парафин, мне еще хуже от горячего, я ногу-то отодвигаю, а врач говорит: «Не поправитесь — мы еще дальше направим по врачам».

Нет уж, думаю, совсем погубите. Слышала я, что преподобный Мартиниан лечит, а сама не бывала в Ферапонтовом монастыре, не видела его гроба. Помолилась я преподобному, со слезами попросила. У меня тише-тише, все и зажило. Не надо и врачей. Я пообещалась сходить пешком из Кириллова: на машину не сяду, пойду пешком. Пообещалась, а не сходила, забыла. Уж много годов прошло.

Стал мне сниться этот монастырь. Все точно наснилось. И не видала никогда, а снится, как мост пройдешь, ручеек шумит, на бугорке маленькие цветочки. Подхожу ко Святым вратам, потом ко дверям, где Мартиниана церковь. Церковь розовая внутри, оттуда голос: «Зайди туда, тут хорошо». А я не зашла.

Рассказываю сон хозяйке, она говорит: «У тебя обещания нету?»

— Ой, тётя Настя, я ведь забыла.

— Что ты! Не дело. Обещание дала, надо идти.

Мартиролог

Насельники

Кирилло-Белозерского монастыря

Архимандрит Феодорит (в миру Преображенский Федор Иванович), ок. 1852 года рождения, за поминовение патриарха Тихона дело передано в ГПУ, лишен избирательных прав в 1927 г., репрессирован.

Игумен Мартиниан (в миру Баранцев Михаил) из деревни Палшемское Ферапонтовской волости, постриженник Кирилло-Белозерского монастыря, подвизался в Александро-Невской лавре, где был арестован. После тюрьмы служил в Псковской епархии, потом в г. Кадникове Вологодской области, где и похоронен в 1974 г.

Я и направилась. Тогда по старой дороге ходили. Машина идет, я ближе к канаве, чтобы меня на машину не созвали. Так и дошла пешком. Как стала подходить, так все и есть: и мостик, и речка, и пригорок с цветочками, и Святые врата о двух головах, и прямо от ворот дорожка к преподобному. Подошла я к крылечку, а не попросилась в храм. Так и пошла.

А потом с народом-то была. Выпросилась. Приехали на выходной. Тут-то мы заходили в храм, попросились. Музейские работники поехали на собрание и нас забрали.

Второй раз палец заболел, опять я просила преподобного. Исцелил. Вот какой целитель Мартиниан ваш.

Федора Степановича²⁴ видала много раз, хлеб им носила, но боялась как-то. Так ни разу не беседовала. Все домой торопилась, а он приглашал, он гостил одно время у Покрова что-то долго.

А потом, уже после, через много лет, наснилось. Прихожу в Покров, у косяка, где Казанская икона, какая-то новая икона висит. Так и сияет, глаз не оторвать. А кто на ней, не пойму, вижу-то худо. Как шевелится что-то в ней. Откуда и голос: «Лукинский чудотворец». Я опять не понимаю. Какой такой Лукинский чудотворец? А это — Федор Степанович, из деревни Лукинское. Много чудес он совершил, многим помогал. И нам помогал советом мудрым.

²⁴ *Старец-мирянин Федор Степанович Соколов (1879–1973) из деревни Лукинское, в 10 километрах от Никольского Торжка, был благословлен своим духовником старчествовать, исцелять и проповедовать слово Божие в тяжкие времена безбожия и гонений. Его жизнеописание и запись чудотворений составлены профессором Г. М. Прохоровым (см.: Русский паломник. 1991. № 4. С. 52–680).*

Иеромонах Антоний (в миру Попов Анатолий Самойлович) 1888 года рождения, уроженец деревни Старово Тотемского района, лишен избирательных прав в 1927 г., до 1937 г. служил в Кириллове, в церкви Иоанна Воина, где был арестован. Расстрелян в 1937 г. в Левашовской пустоши под Ленинградом.

Иеромонах Макарий (в миру Лодягин Гавриил), ок. 1854 года рождения, казначей, за поминовение патриарха Тихона дело передано в ГПУ, в 1927 г. лишен избирательных прав, репрессирован.

Иеромонах Нил (в миру Назаров ? Назарович), за поминовение патриарха Тихона дело передано в

- ГПУ, репрессирован. Похоронен в Вологде, где служил в Лазаревской церкви в 1960-х годах.
- Иеродиакон Аниподист* (в миру Федор), после закрытия монастыря служил в церкви Иоанна Воина в Кириллове, арестован в 1937 г., пропал без вести.
- Иеродиакон Дионисий* (в миру Марышев Дмитрий Маврикиевич), 1884 года рождения, уроженец деревни Белябино Петриневского района, архидиакон Казанского собора в Кириллове. Лишен избирательных прав в 1927 г., до 1937 г. служил в церкви Иоанна Воина, расстрелян в 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Иеромонах Гурий* (в миру Алексеев Гурий Алексеевич), насельник Юрьева Новгородского монастыря до 1928 г., служил в Параскево-Пятницкой Нилбодовской церкви Кирилловского района. Репрессирован после 1934 г.
- Духовенство и миряне**
- Волков Иоанн Михайлович* (1874–1937), священник, уроженец деревни Кокошницы Усть-Кубенского района, арестован в деревне Паунино Кирилловского района. Расстрелян в Левашовской пустоши.
- Вьюшин Нил Степанович* (1880–1937), священник, уроженец г. Кириллова, арестован в деревне Большая Дора Череповецкого района. Расстрелян в сентябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Дьяконов Владимир Павлович* (1903–1937), псаломщик, уроженец села Васильевское Воскресенского района Ленинградской области, арестован в г. Кириллове, расстрелян в октябре 1937 г.
- Иванов Григорий Семенович* (1897 года рождения), «служитель церкви», проживал в деревне Хромовой. Арестован в Кирилловском районе, осужден коллегией ОГПУ 18 февраля 1929 г. на три года исправительно-трудового лагеря. Дальнейшая судьба неизвестна.
- Исаев (Николай ?)*, священник Воскресенско-Рукинской церкви Никольского Торжка. Дело передано в ОГПУ.
- Корнев Василий Константинович* (1871–1937), диакон Коротецкой церкви, уроженец деревни Скребино Чарозерского района, арестован на хуторе Берег. Расстрелян в Левашовской пустоши.
- Крупнов*, священник Ситской церкви Петра и Павла Никольского Торжка. Дело передано в ОГПУ.
- Макаров Иоанн Макарович* (1877–1937), диакон, уроженец деревни Тимошино Чарозерского района. Арестован в деревне Ражово Чарозерского района. Расстрелян в сентябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Махонин Давид*, диакон, расстрелян в 1937 г.
- Повинский Василий Михайлович* (1914–1937) — «служитель религиозного культа», уроженец г. Вытегра, арестован в деревне Щетино Береговского сельсовета Кирилловского района. Расстрелян в Левашовской пустоши.
- Полицын Аверкий Савватиевич* (1871–1937), священник в Горицах, уроженец деревни Вершино Вожегодского района. Расстрелян в Левашовской пустоши.
- Попов Анатолий Самойлович* (1887–1937), священник, уроженец деревни Старово Тотемского района, арестован в г. Кириллове. Расстрелян в октябре 1937 г.
- Попов Григорий Петрович* (1874–1937), священник Петровской церкви, уроженец погоста Егория Кирилловского района, арестован в деревне Серки Демянского района. Расстрелян в Левашовской пустоши.
- Румянцев Иоанн Александрович* (1884–1937), священник, уроженец деревни Шубач Кирилловского района, арестован в деревне Выстово Залучского района. Расстрелян в Левашовской пустоши.
- Савинов Лазарь Симеонович* (1887–1937), священник, уроженец деревни Ягорбы Ермаковского района Ярославской области. Арестован в деревне Поповке Кирилловского района. Расстрелян в октябре 1937 г.
- Смирнов Алексей*, священник Сретенско-Присланской церкви Никольского Торжка. Дело передано в ОГПУ.
- Соболев*, священник Параскево-Нелюбодовской церкви Талицкой волости. Дело передано в ОГПУ.
- Соколов Феодор Васильевич* (1887–1945), священник церкви Николая Чудотворца Никольского Торжка, арестован в 1929 г., умер в тюрьме от брюшного тифа в Кемерове (по тюремной справке).
- Соловьев*, священник Николо-Волокославинской церкви. Дело передано в ОГПУ.
- Терцьев Леонид Викторович*, священник, репрессирован.
- Философов Александр*, священник церкви Николая Чудотворца Никольского Торжка после о. Феодора Соколова, арестован и расстрелян в 1937 г.
- Фомин Александр Максимович* (1868–1931), протоиерей, благочинный 3-го округа, арестован в деревне Цыпино Кирилловского района, расстрелян.
- Черняев*, священник Славянско-Вознесенской церкви Никольского Торжка. Дело передано в ОГПУ.
- Ширманов Иван Макарович* (1877–1937), диакон, уроженец деревни Тимошино Чарозерского района. Арестован в деревне Ражово Чарозерского района. Расстрелян в сентябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Евграфов Петр Лупанович (1874—1937), председатель церковной двадцатки, уроженец деревни Клепово Кирилловского района. Расстрелян в Левашовской пустоши.

Честноков Алексей, староста церкви Николая Чудотворца Никольского Торжка, житель деревни Захарьино. Арестован и расстрелян в 1937 г.

Кукушкина Анна Федоровна, казначей приходской Введенской церкви в Горицах. Арестована ок. 1932 г., пропала без вести.

Орлова Анна Авенировна, 1893 года рождения, псаломщица, уроженка Кирилловского района, арестована в селе Гришкине Череповецкого района, расстреляна в сентябре 1937 г.

Насельницы Горицкого монастыря

Монахиня Ангелина (в миру Денисова Екатерина Васильевна), 1883 года рождения из деревни Митинской Кирилловского района, после закрытия монастыря скрывалась в Кириллове, во флигеле дома врача Недельмана, где была арестована вместе с сестрой ок. 1932 г. Расстреляна 22 октября 1937 г. в Левашовской пустоши под Ленинградом.

Монахиня Георгия (в миру Калинина Александра Ивановна?), родная сестра прозорливой матушки Калерии, арестована, пропала без вести.

Монахиня Капитолина (в миру Денисова Клавдия Васильевна) 1885 года рождения из деревни Митинской Кирилловского района, родная сестра мать Ангелины, арестована ок. 1932 г., пропала без вести.

Монахиня Леонтия (в миру Бочина Агния Ильинична), 1886 года рождения, из деревни Вазеренцы Кирилловского района. Арестована в Кириллове в 1932 г., расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Монахиня Мелхиседека (в миру Мелковская Евдокия Никандровна), 1882 года рождения из деревни Мелково Кирилловского района, в Горицком монастыре была певчей и вышивальщицей. Арестована в Кириллове в 1932 г. Расстреляна в 1937 г. в Левашовской пустоши.

Монахиня Назария (в миру Назарова Прасковья Назаровна), 1875 года рождения, из деревни Куракино Кирилловского района, родная сестра иеромонаха Нила (Назарова), служившего в Горицком монастыре, затем в Вологде, в Лазаревской церкви. Арестована в селе Горицы, расстреляна 30 октября 1937 г. в Левашовской пустоши.

Монахиня Николая (в миру Клемушинская Ольга Дмитриевна), 1883 года рождения, из деревни Клемушино Кирилловского района. В монастырь поступила в детстве. Арестована в 1932 г. в Кириллове по адресу: ул. Белозерская, дом 2. Выслана этапом в Северный край

на три года. Расстреляна 22 октября 1937 г. в Левашовской пустоши.

Монахиня Харалампия (в миру Евдокия), из деревни Васняково Благовещенского сельсовета. Отдана в монастырь матерью на год от замужества, в мир не вернулась. Арестована ок. 1932 г. Видели ее увозимую на барже, пропала без вести.

Послушница Степанида Григорьевна Бочина, 1896 года рождения, из деревни Вазеренцы Кирилловского района. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Послушница Евдокия Гавриловна Никанова, 1885 года рождения, из деревни Сазоново Кирилловского района. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Белкова Александра Михайловна, 1881 года рождения, из деревни Желобново Кирилловского района, арестована в Кириллове, расстреляна в 1937 г. в Левашовской пустоши.

Бергина Елена Митрофановна, 1880 года рождения из деревни Сидорово Вашкинского района, арестована в деревне Горицкая Слобода, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Боричева Александра Степановна, 1880 года рождения, из деревни Филинской Усть-Кубенского района, арестована в Кириллове, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Бочина Антонина, из деревни Вазеринцы Кирилловского района, родственница монахини Леонтии и послушницы Степаниды. Пропала без вести.

Дичина Евдокия Тимофеевна, 1888 года рождения, из деревни Паньково Кирилловского района, арестована в Кириллове, расстреляна в 1937 г. в Левашовской пустоши.

Егорова Анна Арефьевна, 1886 года рождения, из деревни Гридино Кирилловского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Калинина Александра Ивановна, 1877 года рождения, из деревни Покровское Вожегодского района, арестована в деревне Горицкая Слобода, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Калинина Мария Ивановна, 1875 года рождения, из деревни Покровское Вожегодского района, арестована в деревне Горицкая Слобода, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Логашева Мария Васильевна, 1875 года рождения, из деревни Пантелеймоновской Петриневского района, арестована в Кириллове, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Маракасова Параскева Арсеньевна, 1881 года рождения, из деревни Жохово Кирилловско-

- го района, арестована в Кириллове, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Мудрова Евдокия Филипповна*, 1870 года рождения, из деревни Кудрино Кирилловского района, арестована в Кириллове, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Назарова Мария Григорьевна*, 1881 года рождения, из деревни Покровское Вожегодского района, арестована в деревне Горицкая Слобода. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Назарова Пелагея Григорьевна*, 1869 года рождения, из деревни Покровское Вожегодского района, арестована в деревне Горицкая Слобода, расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Новожилова Лариса Алексеевна*, 1884 года рождения, из деревни Кобелихи Васьяновского района, арестована в деревне Горицкая Слобода в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Огвоздина Александра Александровна*, 1883 года рождения, из г. Белозерска, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Окатова Александра Васильевна*, 1880 года рождения, из деревни Грифонихи Усть-Кубенского района. Расстреляна в 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Ремизова Агриппина Федоровна*, из деревни Желобново Кирилловского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Сибирякова Клавдия Петровна*, 1882 года рождения из деревни Малый Дор Кирилловского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Симанова Прасковья Петровна*, 1871 года рождения, из деревни Берег Кирилловского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Скорородова Мария Ивановна*, 1881 года рождения, из деревни Сирино Пришекснинского района, арестована в селе Горицы. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Смирнова Галина Афанасьевна*, 1870 года рождения, из деревни Погорелово Усть-Кубенского района, арестована в селе Горицы. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Смирнова Дарья Павловна*, 1884 года рождения, из деревни Лошинихи Кадниковского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Смоленкова Клавдия Александровна*, 1872 года рождения, из деревни Борисово Вологодской области, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Смолина Елена Никифоровна*, 1883 года рождения, из деревни Борисово Вожегодского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Тяпушкина Мария Петровна*, 1882 года рождения, из деревни Анисимовской Вожегодского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Филенцева Лариса Михайловна*, 1874 года рождения, из деревни Халчихи Кадниковского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Шитова Апполинария Феофановна*, 1870 года рождения, из деревни Борисово Кадуйского района, арестована в селе Горицы. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.
- Шитова Ольга Феофановна*, 1885 года рождения, из деревни Борисово Кадуйского района, арестована в Горицах, расстреляна в Левашовской пустоши в 1937 г.
- Шугина Мария Алексеевна*, 1881 года рождения, из деревни Жилино Кирилловского района. Арестована в г. Кириллове, расстреляна в Левашовской пустоши в 1937 г.
- Юкалова Анна Ефимовна*, 1876 года рождения, из деревни Чечирино Вожегодского района, арестована в Кириллове. Расстреляна в октябре 1937 г. в Левашовской пустоши.

Насельница Феропонтова монастыря

Монахиня Анна (в миру Кочегарова Агриппина Яковлевна), родом из деревни Черничино Талицкой волости Кирилловского района. После расстрела игуменнии Серафимы была арестована и выслана в Ташкент. По возвращении в конце 1920-х — начале 1930-х годов жила в деревне Коленец по р. Шексне при церкви, где в 1937 г. была арестована, пропала без вести.

Мартиролог составлен на основе двух опубликованных списков реабилитированных посмертно [см. газету «Новая жизнь». Кириллов, 1 августа 1991 г. (№ 91), 5 января 1992 г., 29 ноября 1994 г. (№ 136), 26 февраля 1994 г. (№ 23), 15 октября 1994 г. (№ 118), 28 июня 1994 г. (№ 71), 13 октября 1992 г. (№ 118)], дополнен данными опроса старожилов и некоторыми архивными сведениями.

Не все имена монашествующих и их сан удалось восстановить. Уточнения и дополнения к мартирологу просим сообщать автору по адресу: 161120, Вологодская обл., Кирилловского р-на, село Феропонтово, Богоявленская церковь, Е. Р. Стрельниковой.

Литература

1. Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1.
2. *Смирнова А.* Отец Иаков. Памятники отечества. М., 1994. Вып. 30. С. 86—89.
3. *Успенский Н. П.* Охранная опись рукописям Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1901; *Он же.* О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря. М., 1896; и др.
4. *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб., Т. 1, вып. 1, 1897; Вып. 2. 1910.
5. *Мануил (Лемешевский)*, Митрополит. Русские православные иерархи с 1893 по 1965 г.: Библиографический словарь. 1979; *Иоанн (Снычев)*, архиепископ. Топография архиерейских кафедр Русской Православной Церкви с 1893 по декабрь 1986 г. Куйбышев, 1986; *Польский Михаил*, протопресвитер. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949 Кн. 1; Кн. 2, 1957; Русские православные иерархи: Исповедники и мученики: Фотоальбом. Имка-Пресс, 1986.
6. ЛОИА, фотоархив III—89245.
7. *Покрышкин П. П., Романов К. К.* Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. СПб., 1908.
8. *Бриллиантов И.* Ферапонтов-Белозерский ныне упраздненный монастырь — место заточения патриарха Никона. СПб., 1899.
9. *Романов К. К.* Древние антиминсы Ферапонтова монастыря. // Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к вып. 52. СПб., 1914.
10. КБИАХМЗ, ОПИ. Ед. хр. 435. Д. 435.
11. *Иоанн Кронштадтский.* Неизданный дневник. Воспоминания епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М., 1992. С. 49
12. Ферапонтовский сборник. М., 1988. Вып. 2.
13. *Глызина Л. И.* Уездный город Кириллов: Историко-краеведческий альманах. Вологда., 1994. Вып. 1. С. 38—66.
14. ГАВО. Ф 2201. Оп. 1. Д. 5. Кор. 1.
15. Известия Кирилловского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 8 сент. 1918.
16. Известия... 22 июля 1918.
17. Известия... 24 мая 1918.
18. Известия... 07 июня 1918.
19. ЧФ ГАВО. Ф 237. Оп. 1. Д. 7. Л 72—73, 414.
20. ЧФ ГАВО. Ф 237. Оп. 7. Д. 7.
21. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. Париж, 1977.
22. Известия... № 55
23. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 698. Л. 144.
24. Памятники Отечества: Альманах. М., 1994. Вып. 30. Публикация Г. И. Виноградова.
25. *Галкин А. К., Бовкало А. А.* Новгородский миссионер епископ Варсонофий (Лебедев): Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и научных сообщений. Новгород, 1977. С. 128—133; *Он же.* Убиенный епископ Кирилловский Варсонофий. София. Новгород. 1993. № 8.
26. *Варюхичев А.* Тревожное эхо. // Новая жизнь. Кириллов. 7 ноября 1983 г., № 134—135; см. также: *Он же.* Слово о городе Кириллове. Архангельск, 1990.
- 27.. ЧФ ГАВО. Ф 18. Д. 19. Л. 185.
28. Революция и Церковь. 1919. № 1—2. С. 256—257.
29. Революция и Церковь. 1920. № 9. С. 42.
30. Революция и Церковь. 1920. № 6—8. С. 266.
31. ГАВО. Ф 798. Оп. 3. Д. 87.
32. *Курдюмов М. Г.* Отчет об археологической поездке в Белозерский край в августе 1919 года. // Памятники Отечества. Альманах. М., 1994. Вып. 30. С. 49—56. Публикация Т. Смирновой.
33. ЧФ ГАВО. Ф 18. Оп. 1. Д. 19. л 190.
34. *Вострышев И.* Божий избранник: Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М., 1991. С. 106—112.
35. ГАВО. Ф 990. Д. 1—3, 11—17; Ф. 5 Д. 300—302, 1007, 1009, 1487, 2039—2046, 2533, 2864, 2866 и др.
36. ГАВО. Ф 5. Оп. 1. Д. 1009. Л. 25.
37. ГАВО. Ф 585. Оп. 1. Д. 71. Л. 133.
38. ГАВО. Ф 5. Оп. 5. Д. 1487.
39. ГАВО. Ф 5. Оп. 1. Д. 1487.
40. ГАВО. Ф 5. Оп. 1. Д. 1009. Л. 19.
41. *Шакурова Е. В.* Рака Кирилла Белозерского из Кирилло-Белозерского монастыря. // Памятники культуры: Ежегодник. 1982. Л., 1984. С. 408—416.
42. Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Новгородской епархии. М., 1913. С. 32—34.
43. *Стрельникова Е. Р.* Рака Мартина. // Ферапонтовский сборник. М., 1988. Вып. 2. С. 126—144.
44. ГАВО. Ф 585. Оп. 1. Д. 71.
45. Письма И. И. Бриллиантова к брату А. И. Бриллиантову в Петербург, 1919—1929. // Памятники Отечества. Альманах. М., 1994. Вып. 30. С. 142. Публикация М. Шаромазова.
46. Сосуд избранный: История Российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства. 1888—1932. Сост. Сякурова. М.; СПб., 1994.
47. ГАВО. Ф 2201. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.
48. ЧФ ГАВО. Ф 18. Оп. 1. Д. 30. Л. 60.
48. ЧФ ГАВО. Ф 4261. Оп. 1. Д. 3. Л. 258, 259.
49. *Телицин С.* Новомученики российские: Преосвященный Тихон, епископ Кирилловский. // Русский паломник. 1994. № 9. Изд. Валаамского общества Америки.
50. *Иванова Г. О., Смирнов И. А.* История Кирилло-Белозерского музея-заповедника: Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1.
51. ГАВО. Ф 798. Оп. 3. Д. 46. Л. 84.
52. ГАВО. Ф 2201. Оп. 1. Д. 4. Л. 198.
53. ГАВО. Ф 798. Оп. 3. Д. 6.
54. ГАВО. Ф 18. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.
55. ГАВО. Ф 798. Оп. 3. Д. 11.
56. ГАВО. Ф 798. Оп. 3. Д. 50. Л. 9.